

**АНДРЕЙ
ФАЛЬКОВ**

**СОВЕТСКО-
ВЬЕТНАМСКИЙ
РОМАН**

18+

Андрей Фальков
Советско-Вьетнамский роман

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Фальков А. И.

Советско-Вьетнамский роман / А. И. Фальков — «ЛитРес:
Самиздат», 2005

Острюжетная приключенческая повесть о событиях американо-вьетнамской войны 1964-1973 годов, основанная на документальных материалах. Советские военные специалисты, вооруженные новейшей техникой, громят американскую авиацию и пехоту во Вьетнаме. Правда о вьетнамской войне, вьетнамском синдроме, американских боевиках и советской армии. Война, любовь и непростые отношения вьетнамцев, русских и американцев.

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Глава 1. О том, как лейтенант Пауэрс попытался нарушить воздушное пространство Советского Союза	8
Глава 2. О том, как Хрущев припугнул американцев, и американцы испугались	21
Глава 3. Рассказ о том, как младший лейтенант Кашечкин влюбился	24
Глава 4. Обыкновенные биографии американских мальчиков	35
Глава 5. Знакомство читателя и лейтенанта Кашечкина с полковником Рузаевым	42
Глава 6. Как лейтенант Кашечкин встретился с отцом Светы и что из этого получилось	50
Глава 7. Читатель знакомится с полковником Шульцем и первый раз попадает под бомбы американцев	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

А.ФАЛЬКОВ

Советско-Вьетнамский роман

Народ – подвижник и герой

Оружье зла оружием встретил

За грех войны – карал войной

За смерть – печатью смерти метил

В борьбе исполнен новых сил

Он в годы грозных испытаний

Восток и Запад пробудил

И вот –

Полмира в нашем стане!

А.Твардовский

«За далью – даль»

Предисловие

Уважаемые читатели! Вы держите в руках замечательную книгу талантливого, хотя еще и малоизвестного писателя. Я прочел ее с огромным интересом и, что называется, залпом. Когда я читал, мне становилось ясно, что держу в руках не просто боевик, которыми заполнены книжные магазины и не просто очередную книгу о войне, а готовую к взрыву бомбу. Эта бомба заложена под ставшие привычными предметы, под несправедливое отношение русских к самим себе и под пренебрежение к нашей стране. А еще в этой книге автор вспомнил такие забытые понятия, как патриотизм, героизм, национальная гордость и победа.

В современном русском театре, кино, телевидении, к которым моя работа имеет самое непосредственное отношение, уже давно ощущается дефицит положительного героя и светлых, а не темных сторон нашей истории. Но почему-то все негативное пока что находится намного легче. А здесь автор наконец-то сумел найти неизвестный широкой общественности эпизод, которым по праву можно гордиться. Лично я с удовольствием принял бы участие в экранизации этого романа.

С моей точки зрения как критика и специалиста в области кино здесь самым ценным является обилие достоверных деталей. Автор глубоко знает предмет, и не просто рассказывает о победе, но показывает, как именно, какими средствами эта победа достигалась. Я сам недавно побывал во Вьетнаме, видел следы той войны. Впечатления от поездки наложились на текст книги и создали очень интересное впечатление.

Так что покупайте эту книгу. Не пожалеете.

Павел Алимов, продюсер

От автора

Эта художественная книга, военно-исторический роман, написана по воспоминаниям участников одной широко известной, но мало изученной войны. Соединенные Штаты Америки начали ее в 1965 году, желая одним ударом покончить с народом маленькой свободолюбивой страны. Однако победоносного блицкрига не получилось, потому что на помощь Вьетнаму пришел Советский Союз. Это было одно из малоизвестных прямых столкновений СССР и США на территории третьего государства, показавшее все преимущество отечественной военной техники. Участие СССР в этой войне было строго засекречено, и долгие годы даже родственники участников этого конфликта не знали, где побывали их близкие.

Только в перестроечные годы офицеры, воевавшие на территории Вьетнама, стали рассказывать правду. Но правда эта не получила широкой огласки из-за засилья американских фильмов, оккупировавших наши экраны. Один из таких фильмов «Апокалипсис сегодня», 1979 года, и явился тогда полным художественным отображением, сформировавшим образ тех событий.

А история повторяется раз за разом, один и тот же сценарий рализуется вновь в вновь. Давайте вместе погрузимся в историю любви, развернувшейся в те не такие уж далекие от нас годы.

Глава 1. О том, как лейтенант Пауэрс попытался нарушить воздушное пространство Советского Союза

Ероплан летит германский

Сто пудов сплошной брони.

От напасти басурманской

Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый

Над Престольной в небеси,

Отродясь такого дива

Не видали на Руси.

Не боится сила злая

Никого и ничего,

Где ж ты, Троица Святая?

Где родное ПВО?

Игорь Ирентьев

Стихи, написанные на прилет Матиаса Руста в Москву

Мощные приводы быстро развернули пусковую установку. Зенитная ракета стратовала уверенно и четко, и от ее могучего рева задрожали накаты блиндажей, зазвенели стекла в казармах и в офицерских общежитиях военного городка. Горячей волной сорвало лист шифера с крыши столовой, он немного покружился в воздухе и затем бессильно улегся посреди плаца.

Суровый старшина в другой момент сразу устранил бы подобное безобразие. А теперь, не обращая внимания, он пробежал прямо по скрипучим обломкам к подземному складу, откуда транспортно-заряжающая машина уже вытягивала еще одну серебристую ракету взамен улетевшей. Это не учения. Это война. Опытным глазом старшина проверил маркировку ракеты. Полный боевой заряд.

– Пошел!

Маленький ефрейтор-татарин, сидевший за рулем, дал газ, и тягач пополз к укрытию, чтобы в перерыве между стрельбой перезарядить установку.

Жизнь небольшого военного городка под Свердловском резко изменилась с того момента, как на его базе началось размещение экспериментального зенитно-ракетного комплекса. Небольшая заштатная воинская часть, расположенная в густом лесу в пятнадцати километрах от города, не испытала на себе обжигающего дыхания Великой Отечественной войны. В сорок первом, когда враг стоял у стен Москвы, в Свердловск срочно эвакуировали часть оборонных заводов. Для охраны заводов от шпионов и воздушных налетов сформировали воинскую часть.

Война закончилась. Постепенно, с ростом военной промышленности, с ростом аэродрома, потребности в охране усиливались, военный городок рос. Приземистые казармы и бараки заменялись каменными строениями. Резко увеличилось количество дикого рода войск, именуемого «стройбатом». Офицеры стали ездить в город и жениться на тамошних девушках. Постепенно городок разделился на воинскую часть и поселок. В воинской части, обнесенной двумя рядами колючей проволоки и охранной зоной, вместе проходили службу солдаты и офицеры. По улицам поселка, наряду с военными, гуляли совершенно штатские лица – офицерские жены и дети. Перед каждым домом сушилось белье на длинных веревках, стояли столы и скамейки. По вечерам за столами в палисадниках сидели свободные от службы офицеры и забивали «козла». Враги находились далеко, на западных границах. Самый злой враг, начальство, сидел на аэродроме и до городка добирался редко.

Ситуация снова изменилась год назад, в 1959 году. В военный городок прибыл эшелон, на котором на закрытых брезентом платформах угадывались абсолютно новые очертания. Половину офицеров услали на переподготовку. Жен и детей переселили в другой поселок. Белье с веревок сняли.

Тут же начали прибывать новые офицеры и новые командиры, а с ними – новые гражданские лица, инженеры сверхсекретного конструкторского бюро «Факел». Военный городок и почувствовал на себе железную руку госбезопасности и строгость секретности. И узнал, что обычная зенитная артиллерия должна отойти в прошлое.

Век зенитной артиллерии отошел. Самолеты стали реактивными, сбить их обыкновенным снарядом практически невозможно. Истребительная авиация, наряду с пушками, получила ракеты. Теперь очередь дошла до зенитчиков. Под Свердловском, в N-ской воинской части, разворачивался зенитный ракетный дивизион.

Старший лейтенант Гарри Френсис Пауэрс только что прилетел из Турции в пакистанский Пешавар на транспортном самолете «Геркулес». С ним прилетели его напарник Кен Стоун, сержант Красовский и психолог Линда Бартон.

Лейтенант Пауэрс служил в Центральном разведывательном управлении Соединенных Штатов Америки. Контора эта, как известно, пользовалась весьма и весьма дурной славой, и самому Пауэрсу частенько казалось, что от его заданий явственно отдает тухлятинкой.

Все прибывшие с ним служили в той же конторе, дела их тоже были не совсем чисты. Ни для кого не являлось секретом, что прекрасная Линда была не только врачом и психологом, но еще и любовницей Пауэрса. Сам лейтенант подозревал, что Линду подсунил ему в койку шеф департамента, выполняя личные инструкции Даллеса. Нашкодившего сотрудника стало много легче посылать на всякие странные задания. Через Линду Гарри стал ходить на коротком поводке.

Старший лейтенант Пауэрс был летчиком и водил самолеты-шпионы. Каждый раз ходя по лезвию ножа, он прекрасно осознавал, что если его прищучат, начальство особо не станет напрягаться для вызволения из неприятностей.

Не особо благородные задания выполнял и Стоун. Месяц назад, в апреле, он летал в разведывательный полет над территорией СССР. Обследовав сверхсекретные объекты Советского Союза – Семипалатинский ядерный полигон, авиабазу стратегических бомбардировщиков Ту-95 близ него, космодром Байконур, сверхвысотный разведчик, самолет-призрак Стоуна благополучно выскользнул из пределов СССР южнее города Мары. Советская сторона в закрытой ноте протеста сделала резкое заявление. Американцы отмолчались: дескать, мы к нарушению границы не причастны. А если бы Стоун совершил вынужденную посадку? Списали бы потихоньку. Теперь настала очередь Пауэрса лететь.

Не то, чтобы задание казалось слишком сложным. Оно просто грязное и неприятное. Придется болтаться почти полсутки в стратосфере, на такой высоте, чтобы не доставали никакие перехватчики, на виду у всех советских ПВО. И не военное задание, а шпионское. Армейцы-то не полетели. И не ради высоких целей он летит, а ради денег и дружеского похлопывания по плечу от. Не особая радость. Некоторые отказывались.

Но Гарри отказаться не мог – ему нужны деньги. В Аризоне у него остался дом с невыплаченным кредитом, жена, которой он изменял, и малолетний сын. А здесь торчали эта сучка Линда и этот мрачный Красовский, следивший за каждым его шагом.

За окном брезжил рассвет. Конечно, все будет нормально. А может, и не будет. Может, например, двигатель отказать. А еще вчера Линда проводила с ним психоанализ и убеждала его расслабиться. А сама притащила целую пачку конвертов с записками на шестнадцать языках на случай, если миссия провалится, и тонкими пальцами с холеными ноготками вколола в воротник термобелья маленькую булабочку. На память. С кончиком, пропитанным ядом кураре. Тоже на всякий случай.

Все же Гарри не боялся. Это был не первый подобный полет. Разведывательные самолеты «Локхид U2» по праву называли самолетами-призраками. Словно издеваясь над Советами, спокойно летали они над Союзом и социалистическими странами, пока их нелепые доморощенные ПВО метались далеко внизу. Имея дозвуковую скорость, небольшую грузоподъемности, U2 мог нести только разведывательную аппаратуру. Он был бы легкой добычей истребителей и зениток, если бы не феноменальная высота полета. U2 – это машина! Она символизировала собой техническую мощь Америки, мощь, недоступную никаким другим странам.

– Пошли! – на плечо лейтенанта легла тяжелая рука. Этот мерзавец Красовский, как всегда, подкрался совершенно неслышно.

Лейтенант Пауэрс встал и направился к переходу в ангар, где техники должны были одеть его в высотный скафандр и снарядить в полет. И где стоял его красавец U2. И где весело покачивалась упругая и соблазнительная попка Линды, по милости которой он и попал сюда.

Пока Красовский подгонял высотный костюм, Гарри с тоской смотрел на Стоуна, усиленно делавшего озабоченный вид. Ему-то сегодня не лететь. Как и Линде, которая прибудет в Швецию через сутки обычным гражданским рейсом.

Гарри не верил, что он может попасть в плен. Америка сильнее всех. Ему, как американцу, позволялось многое из того, что не дозволено представителям других народов. Задачей его полета было еще раз показать этим русским, насколько далеко они отстали в развитии военной техники и как нелепа их Красная армия, якобы взявшая Берлин и победившая во Второй мировой войне. Глупости все это! Лейтенант Пауэрс твердо помнил, что вторую мировую войну выиграли именно Соединенные Штаты. Именно Америка кормила советских солдат тушенкой, обувала их в ленд-лизские ботинки и смело несла на врага в чудо-грузовике.

А у русских ничего, кроме лучших в мире солдат и лучших в мире танков, и не было. Даже туалетной бумаги. Разве справились бы они без Америки, без ее десанта в Нормандии?

Отношения Америки и Советского Союза начали обостряться сразу после победы во Второй мировой войне. У Америки к тому времени имелось ядерное оружие и средства его доставки – стратегическая авиация. А истерзанный войной Союз представлялся американцам сборищем голодных и темных мужиков, которые только и умели, что пить водку и охотиться на медведей.

Америка вышла из войны богаче, чем была до нее. Она уже подарила миру автомобиль «Форд» и жевательную резинку. Она сбросила атомную бомбу на Японию и изобрела «Кока-Колу». Великая Америка железной рукой насадила демократию по всему миру. А что русские? Они умели валить лес да менять его на американские консервы.

Красовский закончил свое дело. Гарри встал. Линда подошла к нему, обхватила за шею, прижалась своим упругим телом, потянулась к губам. При этом он ощутил прикосновение ворота белья и вколотую в него булавку. Он грубо оттолкнул Линду. Он не хотел лететь. И в том, что ему придется занять свое место в кабине, отчасти виновата и она. Это Даллес играет в игры, строит козни и высовывает фигу из-за океана. А ему везти эту фигу в кармане.

Пауэрс развернулся и вышел из ангара. Гигантская сине-серая птица с тонкими и размашистыми, как у планера, крыльями, ждала его на взлетной полосе. Капли росы стекали по обшивке. Команда техников громко топала вокруг, осуществляя последние приготовления. Уверенность вновь проснулась в нем. Сила всегда будет на стороне Америки.

Мы, американцы, всегда побеждали. Победили Германию. Разгромили коммунистов в Корею. Это же Америка, которая диктует свою волю всему миру! Весь мир будет жить по нашей указке. И ничто нас не остановит, как не остановит нас эта империя зла. Это мы дали миру паровоз, свинг и джинсы.

Лейтенант Пауэрс дождал до упора рычаг управления двигателями и включил форсаж. Самолет задрожал и начал стремительно набирать скорость. Разогнавшись, он оторвался от земли и постепенно растаял в рассветном небе.

– Ну, как там, летит?

– Летит, товарищ маршал!

Майор Головкич еще раз посмотрел на огромный пластиковый круг, установленный в штабе противовоздушной обороны, на котором планшетист переставил цветную фишку.

Утро 1 мая 1960 года, Международного дня солидарности трудящихся. И в Москве, и во всех городах Советского союза готовились праздничные демонстрации. Репортажи из Москвы передавались по всем каналам радио и телевидения Советского Союза. Тысячи празднично одетых людей с яркими красными флагами, цветами, транспарантами и воздушными шарами собирались на улицах, чтобы с музыкой и песнями радостно пройти сначала по улицам города, а потом по Красной площади. А дома участников демонстрации уже ждал праздничный обед. Яркое солнце освещало веселую толпу и свежие, пахучие, только что распустившиеся в мае листочки деревьев.

– Папа, я флажок хочу! – канючил карапуз, сидя на плече отца.

– Флаг тяжелый, возьми лучше шарик, – рассудительно ответил отец.

– Хочу! – малыш, глядя сверху на толпу демонстрантов, смеялся и хотел быть как все.

– На, – отец потянул ему большой флаг на толстом деревянном древке. Малыш радостно вцепился в него ручонками и тут же охнул, едва не уронив вырывающееся на ветру полотнище.

– Надо подрасти, – деловито заключил он, – Ладно, папа, давай шарик!

Сверкающий медью оркестр грянул марш. Колонна демонстрантов тронулась, втягиваясь на брусчатку площади Восстания. В ней, радостно улыбаясь, шли молодые и старые, мужчины и женщины, все веселые и нарядные. Многие были с детьми. Яркий, любимый, всенародный праздник начинался.

– Товарищи! – гремел динамик с грузовика, сопровождавшего колонну, – Да здравствует Первое Мая, Международный день солидарности трудящихся! Ура!

– Ура! – дружно закричали в ответ демонстранты, замахали цветами и флагами. Солдаты КГБ в синих погонах, стоящие вдоль дороги, взяли под козырек. Праздник готовился быть ярким. Но мог и не состояться.

Центральное разведывательное управление США вовсе не хотело портить людям праздник. Их задачей была разведка, и только разведка. И небольшие провокации. А про то, что у русских существуют какие-то свои дикие праздники, да еще гордо именуемые «международными», они просто забыли. Срок миссии определялся чисто политическими соображениями.

– Если один из самолетов будет потерян, – внушал Эйзенхауэр директору ЦРУ Аллену Даллесу, – мы проявим слабость, и это лишит меня возможности на майском саммите предпринять эффективные действия. Никаких полетов в мае!

– А в апреле? – Даллес был неумолим. Он не любил, когда президент ограничивал деятельность спецслужб.

– Только до 1 мая, – президент сдался, – и только один вылет.

Лишь когда приказ уже был подписан, Даллес вспомнил, что в этот день в России что-то празднуют.

Высшее руководство страны выстроилось на трибуне мавзолея Ленина, чтобы приветствовать праздничные колонны демонстрантов. Но настроение было далеко не праздничным. В небе нагло летал неуловимый и неуязвимый враг. И праздник грозил быть испорченным.

– Летит? – первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев толкнул локтем в бок министра обороны Родиона Малиновского. – Летит, я тебя спрашиваю?

– Летит. – Малиновский втянул голову в плечи.

– Скоро будет над Москвой?

– На Москву, судя по курсу, не полетит. Его цель – Сибирь, Урал и Казахстан.

– Замечательно! – у Хрущева задергалось лицо, – Во время всенародного праздника нарушитель летает над нашей страной как хочет и сам выбирает себе курс. Соедините меня со штабом ПВО! Спят они там, что ли?

Хрущев в ярости повернулся к Малиновскому спиной, сбежал с трибуны и кинулся к узлу связи.

– Маршала Бирюзова на связь. Срочно!

Офицер госбезопасности подал Хрущеву трубку.

– Центральный командный пункт ПВО! – ответил спокойный голос.

– Вы чем там занимаетесь? – Хрущев топнул ногой, – кто там у вас летает?

– Нарушитель, сверхвысотный самолет, предположительно американский разведчик.

Принимаем меры.

– Знаю я ваши меры! В прошлом году американцы летали, и вы тоже все меры принимали. В апреле летали! Они в нашем небе хозяйничают как хотят, а вы все меры принимаете!

– Делаем, что можем, товарищ первый секретарь! Но у него потолок в полтора раза выше, чем у истребителей. Мы его не достаем.

– А где Королев с его ракетами? Где? Позор! Страна напрягла все силы, обеспечила ПВО всем необходимым, а вы один самолет остановить не можете!

– Никита Сергеевич, если бы я мог стать ракетой, полетел бы и сам сбил этого проклятого нарушителя!

– Принять меры! Докладывать каждые полчаса.

Хрущев бросил трубку на пол. Трубка раскололась, он наподдал ее и начал топтать ногами. Праздничные колонны подходили к Красной площади. Сюда же подруливал и иноземный самолет. И ничего сделать нельзя. Америка устанавливала свои порядки. Старший лейтенант Гарри Френсис Пауэрс выполнял задание.

Первая ракета пошла хорошо. Рев стартового ускорителя заставил звенеть стекла в казармах военного городка. О том, что сейчас будут стрелять ракетами на поражение цели, знали все. Еще час назад металлическим голосом взревела сирена, на этот раз не так, как на учебе, а более басовито.

В кабине управления стояли жара и духота.

– Дистанция? – подполковник Рузаев, командир дивизиона, не отрываясь от планшета, смахнул пот.

– Пятьдесят километров до входа в зону поражения.

– Сопровождение?

– Автоматическое! Перехожу на ручное! – офицер наведения, старший лейтенант Семенов, переключил тумблеры. Зеленая отметка цели поползла по экрану локатора. За ней тянулся зеленый крест сопровождения, напоминавший перекрестье прицела.

Война огненной волной прокатилась по всем офицерам. Рузаев повоевал достаточно. Семенову воевать не пришлось, но его отец погиб в сорок втором под Сталинградом, а старший брат вернулся, волоча не сгибающуюся ногу, через полгода после призыва в сорок четвертом. Войну они оба знали не понаслышке. Война – это холодные зимние ночи, это голод, это грязь, это разруха, это гибель близких. Это ночные налеты, когда, ложась вечером спать, ты не знаешь, доживешь ли до утра.

Они выжили в той войне. Молодые мальчишки, они уцелели. И они мечтали о мирной жизни. И они точно знали, что если в их руках не будет достаточно сильного оружия, война опять придет на их землю. Они очень хорошо знали войну и не хотели воевать. И в их руках теперь было достойное оружие. Вот только война опять маячила на пороге.

Было первое мая 1960 года. Третья мировая война вновь показала свой звериный оскал. А еще вчера все шло так хорошо.

Военный городок при дивизионе готовился к празднику Первомая. Офицеры зорко высматривали следы беспорядка. Солдаты с выпученными от усердия глазами скребли, мыли, чистили, красили. Свежей побелкой покрывали все подряд – казармы, столовую, бордюры плаца. Старшина пытался побелить туалеты при казарме, но майор запретил – демаскирует.

Офицерские жены не остались в стороне. Пользуясь хорошей погодой, они вынесли из комнат офицерского общежития все ковры и лихо выбивали их на турниках спортплощадки. Над спортплощадкой стоял орудейный грохот, и поднимались клубы пыли.

Само первомайское утро тоже выдалось напряженным. Офицерские жены в своих домиках пекли и жарили, готовили праздничный обед. Их мужья, затянутые в парадную форму, повели солдат в баню, чтобы те чистыми предстали на торжественный смотр. Сияние солнца на золотых погонах, шуршание веников, скрип хромовых сапог смешивались с запахом свежих пирогов и бравурным маршем из репродукторов. И вдруг репродуктор щелкнул и замолк. Сначала негромко, а затем все сильнее, повышая голос до крещендо, взвыла сирена. Ее вой дрожал и рвал уши.

Из домиков и казарм выскочили офицеры и, на ходу поправляя фуражки, бросились по узкой дорожке на позицию.

Тревоги сегодня никто не ожидал – не в правилах начальства было устраивать учения в праздники. Но никто и не думал медлить. Тревога – всегда тревога.

Из казармы пулей вылетел взвод солдат во главе с сержантом. Заряжающие ринулись на полигон, обгоняя офицеров, и тут же принялись расчехлять установки. Не прошло и полминуты – а уже раздался рев дизель-генераторов автономного питания. Ворота гаража распахнулись, из них выполз первый тягач. В дивизионе воцарился боевой, слегка упорядоченный хаос. И как апофеоз боевой тревоги, из бани выскочили солдаты в нижнем белье и голые, на ходу натягивая штаны, бросились к батарее. Последним из бани выбежал старшина. Одним локтем он прижимал стопку банных шаек, другим – связку веников. Бормоча что-то под нос, он ловко метнул обе стопки в дверь каптерки и неторопливой начальственной рысью затрусил к блиндажу, где хранились запасные ракеты.

Ровно через минуту веселый, готовящийся к празднику военный городок стих и превратился в отлаженную военную машину. Уже все знали, что тревога не учебная, а боевая, и что в их сторону снова направляется неопознанный нарушитель. Подполковник Рузаев, как и шестнадцать лет назад, занял свое место в окопе.

– Дистанция?

– Вне зоны поражения.

Подполковник Рузаев глянул на планшет. Отметка сверхвысотного нарушителя стояла далеко, вне зоны действия дивизиона. Они пока еще ничего не могли сделать.

Инженер Иванов, сидевший на высоком железном табурете посередине кабины управления, лихорадочно терзал листочки блокнота. Как разработчик, он неоднократно наблюдал за испытательными стрельбами, но настоящий бой видел первый раз. Он прекрасно знал возможности комплекса и понимал, что даже если бы нарушитель летел в два раза выше, он все равно был бы в зоне досягаемости. И высокая скорость не была бы им помехой. Но курс нарушителя лежал далеко в стороне.

Новейший ракетно-зенитный комплекс «Двина», которым командовал подполковник Рузаев, не доставал до цели. Ракета не долетала.

Заведующий лабораторией КБ «Факел», Виктор Иванов лихорадочно тербил свой несчастный блокнотик. Он знал, на что способно его детище. И знал, что офицеры пока что бессильны. Нарушитель старательно обходил защищаемую ими зону.

А такого оружия не было пока что ни у кого в мире. Американцы обложили весь мир военными базами, им послать на Союз бомбардировщики очень даже просто. У Союза баз не было, зато имелись гениальные ученые. И ракеты, потомки легендарных «Катюш». Такие ракеты, делать которые американцы так никогда и не научились. Техника, на десятки лет опередившая американскую, о чем Америка пока не догадывалась.

Иванов разрабатывал первые в мире радиоуправляемые ракеты, способные поднять стокилограммовый заряд на высоту более тридцати километров. Офицер наведения, находясь на земле в передвижной кабине управления, мог управлять полетом ракеты и наводить ее на цель, ясно видимую на локаторе. Всего в распоряжении командира зенитно-ракетного дивизиона имелись Офицерские жены: один локатор с системой наведения и шесть ракет на шести уста-

новках, которыми он мог стрелять, как из револьвера. Все системы работали в норме. Установки были заряжены и ждали одного-единственного нажатия кнопки. Но нарушитель, словно издеваясь, огибал зону поражения комплекса.

На экране локатора появилось еще две отметки.

– Планшетист, отметки! – через плечо кинул Рузаев.

– Пара перехватчиков. Идут на сближение с целью.

– Достанут? – Иванов перегнулся через плечо капитана Семенова, работавшего офицером наведения.

– Нет. – Семенов покачал головой, – не смогут. Но если сумеют вывести на нас, то мы его достанем.

Иванов отложил блокнот. По экрану навстречу отметке от нарушителя медленно ползли две отметки от советских МИГов. Вот перехватчики, казалось бы, сблизились с целью. Вот они прошли ниже. На экране станции наведения зафиксировался разворот. Нарушитель, не обращая внимания, шел своим курсом.

– В хвост заходят? – с надеждой вновь спросил Иванов.

– Нет. Нарушитель выше. И вне зоны нашего поражения.

У летчиков Айвазяна и Сафонова сбить нарушителя шансов не было. Их пара «Мигов» не дотягивала по высоте.

– 650! – вновь раздалось в наушниках. – Я – «Сокол». Как цель?

– Цель вижу. Цель над нами. – Айвазян ещё раз поднял голову. Высоко, в фиолетовом небе, чертил серебристый инверсионный след недостижимый «Локхид-У2».

– Я – «Сокол». Разворачивайтесь и попробуйте ещё раз.

Айвазян потянул на себя ручку и заложил вираж. Самолет хрустнул, в глазах потемнело от перегрузки. Ведомый чётко повторил манёвр. Скорость перехватчика была почти в 2 раза выше «Локхида», а вот высота не давала ничего сделать. Айвазян закусил губу. Американец был как на ладони и нагло топал на Свердловск. Увидев сверху разворот советских истребителей, Гарри Пауэрс усмехнулся и помахал им рукой. Полетают, постреляют и отстанут. А он спокойно сядет в Норвегии. Так было в прошлый раз. Так будет всегда. Так и должно быть.

– Я – «Сокол», – снова раздалось в наушниках, – Приказ «Дракона»: сбросить баки, облегчить самолёт. Сделайте хоть что-то. Готовы ли идти на таран?

– Готов, – Айвазян был спокоен, – но мы его всё равно не достанем.

– Приказ «Дракона», – отчеканил «Сокол».

– Попробуем «с горки», на максимальном ускорении. Разгонимся, потом ручку на себя, и вверх. Может, достанем.

– Добро. – «Сокол» помолчал, затем добавил, – Действуйте.

– 502-й, – Айвазян переключился на ведомого, – слышал приказ?

– 650, – приказ слышал.

– Повторяй манёвр за мной. Разгоняемся на форсаже, и вверх. Открывать огонь сразу. И постарайся не потерять сознание от перегрузки.

– Понял. Повторяю манёвр.

Сафонов пристроился к ведущему снизу и положил руку на сектор газа.

То, что русские – сумасшедшие, лейтенант Пауэрс знал давно. Но то, что они сумасшедшие до такой степени, он понял только сейчас, когда далеко справа сверкнули пулеметные

трассы. Два истребителя, разогнавшись, на сумасшедшей скорости рванулись вверх. Страшная перегрузка вдавила пилотов в кресла, погасила их сознание, и теперь обессилившие машины, поливая огнем, валились на хвосты. Они все еще не могли достать U-2 прицельным огнем, но шальной снаряд мог доставить неприятности.

– Сумасшедшие!

Пауэрс пожал плечами, представив, каково им там. Пришлось чуть-чуть отклониться в сторону от курса, предписанного лично шефом ЦРУ, чтобы дать этой нелепой парочке пролететь мимо. Лейтенант отключил автопилот и взялся за штурвал для маневра.

– Внимание всем! – подполковник Рузаев впился в экран наведения.

На экране творилось что-то странное. В кабине управления не было слышно переговоров с пилотами, но по отметкам от самолетов командир видел, что истребители совершают какой-то отчаянный маневр.

– Что там? – Иванов перегнулся к пульту. Рузаев предостерегающе поднял руку.

– Держать сопровождение!

– Перехожу на ручное! – эхом отозвался Семенов.

– Есть сопровождение по углу!

– Есть сопровождение по дальности!

Сержанты, сидевшие на местах, приняли цель.

Рузаев видел, как зеленые отметки от истребителей все ближе и ближе подходили к нарушителю. Еще, еще чуть-чуть! В кабине наведения все замерли. И тут американец, уходя от беспорядочного огня, отвернул. Все замерли, отсчитывая секунды. Пунктир огневой линии на секунду скрыл отметку самолета, а затем снова открыл ее. Уже внутри.

– Цель в зоне поражения! Держать сопровождение! – громко крикнул Семенов.

– Огонь!

Рузаев понял, что это их шанс. Вокруг на сотни километров нет больше подобных станций. И истребители сделали то, что только и могли сделать – выгнали нарушителя на них.

Щелчок кнопки потонул в оглушительном реве ракетного ускорителя. Вся кабина задрожала мелкой дрожью. Зазвенело стекло. Вой ускорителя прервался, раздался хлопок. Затрепал секундомер, отмечая время полета.

– До контакта тридцать секунд! – Семенов осторожно поправил штурвальчик наведения, – десять секунд. Контакт!

Гарри Пауэрс вновь взялся за штурвал, возвращая машину на курс. Вот чудачки! Надо быть внимательнее!

Что произошло дальше, он так и не понял. Самолет совершенно беззвучно вздрогнул, двигатель захлебнулся и завизжал, как раненое животное. Фонарь кабины брызнул тысячами осколков и исчез, будто его сдуло ветром. Самолет резко клюнул носом и провалился вниз.

Многие думают, что при попадании зенитной ракеты самолет разметывает взрывом на мелкие кусочки. Вовсе нет. Ракета почти никогда не попадает точно в цель, потому что с земли нельзя абсолютно точно ее навести. Да это и не требуется. Ракета обычно взрывается в нескольких сотнях метров впереди самолета, выбрасывая из себя облако стальных шариков и осколков, врезаюсь в которое, самолет рассыпается на части.

Обломки ракеты попали в воздухозаборник двигателя, снесли остекление кабины, почти оторвали крыло. Самолет еще не взорвался, но жить ему оставалось считанные секунды. Лейтенант Гарри использовал их для спасения собственной жизни. Одним движением он сбросил остатки фонаря, защелкнул ремни и дернул вверх рукоятку катапульты. Хлопок, раскрылся парашют. Пилот остался один, раненый самолет продолжил падение.

Лейтенант Пауэрс выбросился с парашютом и уже не знал, что дальше стало с самолетом. Он не видел, как падал и рассыпался в воздухе подбитый ракетой разведчик, и капитан Айвазян с трудом выводил потерявший управление самолет из штопора. Не видел своего ведущего и лейтенант Сафонов, который набрал высоту поменьше и едва-едва удержал машину от срыва.

– Подрыв! – лейтенант Семенов впился в экран локатора. Отметка от ракеты исчезла.

– Ну? – Иванов дернулся на своем табурете.

– Цель продолжает движение. Отметка есть.

– Промазали, – прошипел сквозь зубы Рузаев. – Промазали. Вторую установку к стрельбе!

Они не знали, что огромный U-2 смертельно ранен и летит вперед только по инерции. Они не знали, что лейтенант Пауэрс в эти секунды лихорадочно срывает колпак кабины. И они не знали, что лейтенант Сафонов находится сейчас точно под нарушителем и из последних сил пытается не дать своему «Мигу» сорваться в штопор.

– Совпадение целей по дальности! – услышал Семенов оператора ручного сопровождения.

– Совпадение целей по углу!

На экране локатора отметка от U-2 и от «Мига» Сафонова совпали.

– Отставить стрельбу, – скомандовал Рузаев. – Пусть разойдутся. На нашем должен быть ответчик.

– Сигнала ответчика нет.

– Еще раз запроси.

– Сигнала ответчика нет. Цели расходятся.

На экране происходили и вовсе чудеса. Отметка от одной цели внезапно распалась и превратилась сначала в три, а потом – в четыре цели. Это была первая боевая стрельба «Двины», и никто, ни офицер наведения, ни командир, ни инженер Иванов не знали, что это разваливается на части «Локхид», попавший в турбулентный след от истребителя Сафонова.

– Что же они ответчик не включают! – Семенов снова пошелкал тумблером. – Ведь уйдет из зоны поражения через тридцать секунд!

– Дистанция? – Рузаев обернулся к планшету.

– Выходит из зоны поражения через двадцать секунд.

– Цель есть, захват устойчивый! – Семенов увидел, что одна из отметок ярче других и движется равномерно.

– Огонь – не думая ни секунды, скомандовал Рузаев. – Огонь двумя ракетами сразу! Чтобы не ушел!

Кабина снова вздрогнула. Сразу две ракеты пошли вдогонку уходящей цели. Никто в тот момент не подозревал, что они видят в прицеле уже не американца, а наш истребитель. Лейтенанту Сафонову оставалось жить сорок секунд.

Старший лейтенант Пауэрс упал посреди вспаханного поля. Левая нога провалилась в борозду, и он больно подвернул ее. Несильный ветер погасил купол парашюта. Лейтенант выпутался из-под груды невесомого капрона, отстегнул наплечные ремни. Далеко-далеко, по краям поля, стоял ярко освещенный ласковым майским солнцем лес. Доносилось веселое пение птичек.

Лейтенант откинул стекло гермошлема и вдохнул полной грудью. Он был в Сибири. Здесь было неплохо. Здешний воздух ему нравился. И первой мыслью лейтенанта Пауэрса было то, что теперь он останется в Сибири надолго, а может быть и навсегда.

В прогалине леса виднелось далекое село. Оно не было похоже на американские фермы. Вместо белых домиков под веселыми красными крышами вдали виднелись хаотично разбросанные, темные от непогоды строения. Лейтенант сначала подумал, что это какие-то маленькие склады, а не человеческое жилье. Но оттуда уже бежали люди.

Несколько первых подбежавших остановились, не приближаясь к нему, и переминались с ноги на ногу в нескольких шагах. Лейтенант удивился, что и мужчины, и женщины одеты одинаково – в толстые стеганые черные фуфайки, прожженные в некоторых местах так, что из них торчала вата; брезентовые брюки серо-зеленого цвета и сапоги. Женщин можно было отличить от мужчин только по платкам, повязанным на голове. Трое мужчин и две женщины молча рассматривали Пауэрса. Двое из мужчин были не просто не бриты, – все лицо их поросло длинными густыми волосами, похожими на черные бороды пакистанцев, но длиннее.

– Это, наверное, наш летчик, – наконец нарушил молчание скотник Демидов. – Вишь, парашют, какой.

– Нет, Силантий, не похоже. Ты посмотри, костюм на нем какой. И шлем не как у летчика, – сказала одна из женщин.

– Откуда тебе, Матрена, знать?

– А у меня Васька этим увлекается. Он уже много картинок вырезал и мне показывал.

– Да, уж. – Силантий почесал в затылке.

– Да, задача.

И они снова вперились в незнакомца, упавшего с неба, простодушно разглядывая его и не пытаясь ни заговорить, ни подойти. Лейтенант Пауэрс, не двигаясь, молча внимательно наблюдал за ними.

– Слушай, Силантий, а может, он из космоса? – догадался молчавший до того Данила.

– Как так?

– Да так. Спутников уже сколько запустили? Даже собаки летали. Может ученые уже и человека запустили.

– Вишь ты! – удивился Силантий. – До чего наука дошла. Может и из космоса. А где же его корабль?

– А самолет где? И самолет не пролетал, – вновь вмешалась Матрена

– Нет, и самолета не было. Верно, из космоса, – закивали мужики. – Ну че, закурить ему дать, да в избу вести?

Сзади раздался топот копыт. Верховом, без седла, прискакал председатель.

– Ну, что это? Кто это? – Крикнул он мужикам, осаживая коня.

– Дак ить... – Силантий развел руками, – видать оттуда.

С этими словами он поднял заскорузный палец, посмотрел на небо и покачал головой.

– Эй, товарищ, вы оттуда? – председатель лихо прогарцевал вокруг лейтенанта Пауэрса. – Вы кто такой?

Лейтенант Пауэрс подумал, что этот селянин посообразительнее и обращается к нему. По тому, как почтительно смотрели на него остальные, он понял, что это какой-то начальник.

– No understand¹.

Стараясь не делать резких движений, Пауэрс полез в один из карманов, достал оттуда пакет с записками, выбрал конверт с надписью “Russian” и протянул верховому.

– Ишь ты, не по-нашему говорит! – удивился Силантий.

– Немец, что ли? – насторожился председатель.

¹ Не понимаю (англ.)

– Не, не похоже. Немец шпрехает по-другому, я в войну слышал.

– Письмо-то возьми, вишь, человек тебе дает!

– А! Ну да, – председатель наклонился с коня.

– Читай! Не тyani!

«Я – американец и не говорю по-русски» – начал читать председатель.

– Ишь ты! Мериканец! – всплеснула руками Матрена.

– Надо его того, в город! – сообразил председатель.

– А вдруг он вооружен?

– Дальше читай, не томи.

– А, ну да! – продолжил председатель, – «Я американец и не говорю по-русски. Мне нужна пища, убежище и помощь. Я не сделаю вам вреда. У меня нет злых намерений против вашего народа. Если вы мне поможете, то вас наградят за это».

– Во, вишь, не сделает нам вреда, – заметила Матрена.

– Да ты думай, что говоришь! – усмехнулся Силантий, – Он нам вреда не сделает. Да кто он такой? Нас много, а он один. И земля эта наша. Плюнуть и растереть этого американца, одно слово. Тьфу, и нет его. А он «вреда нам не сделает»! Он просить нас должен, чтобы мы ему вреда не сделали, комар заморский!

Силантий выразительно потряс огромным волосатым кулачищем.

– Но-но! – грозно сдвинул брови председатель, – не распускать руки!

– Конечно, – оживилась Матрена, – может, нас наградят!

– Да кто тебя наградит! – не унимался Силантий, – мериканцы, что ли? За хлыща этого?

Если уж и наградят, то наши пограничники за поимку особо опасного шпиона. А с этого задохлика – какая награда может быть? Один парашют на подштанники, и ничего больше.

Неожиданно послышался гул мотора, и по дороге из леса, с трудом продираясь по грязи, выехали два зеленых грузовика. Из кузовов посыпали солдаты. На ходу они сдергивали оружие.

– Ах ты, смотри, за мериканцем приехали! – удивилась Матрена.

Солдаты молча окружили всю группу. Пауэрс, как положено в инструкции, заложил руки за голову и стоял, показывая, что он безоружен. Увязая в пашне, к ним подошел офицер с синими погонами госбезопасности.

– Этот прилетел? – офицер ткнул пальцем в Пауэрса.

– Этот, – подтвердил председатель, слезая с лошади. Вот письмо дал. Грозился. И награду обещал.

– Так, – офицер взял письмо. – А вы кто?

– Председатель колхоза «Светлый путь».

– Увести, – офицер кивнул в сторону Пауэрса. – И вы все тоже – в машину.

– А конь? – удивился председатель.

– А награда? – спросила Матрена.

– Отдайте ей коня, – офицер показал на Матрену, – пусть ответит. А остальные в машину, поедете со мной.

Из репродукторов гремела праздничная музыка. Яркое солнце сияло над Красной площадью, расцвеченной флагами и транспарантами. Колонны трудящихся шли и шли по площади. Люди радовались. Люди кричали «ура» и размахивали флагами.

Люди шли и шли. Некоторые катили транспаранты в виде фанерных снопов или огромных портретов Ленина. Некоторые транспаранты представляли собой галерею портретов членов политбюро. Между каждых четырех рядов демонстрантов стоял ряд солдат в синих

погонах, которые добродушно улыбались людям и зорко следили, чтобы не было никаких несанкционированных выкриков.

Дети на плечах родителей махали шариками и хлопали в ладоши от радости. Дети постарше шли сами и изо всех сил вытягивали шеи, стараясь увидеть любимых вождей, стоящих на трибуне. На трибуне мавзолея, стояли рядом Хрущев и Малиновский, и махали руками в ответ на приветствия. Хрущев изредка опускал руку и показывал Малиновскому под трибуной кулак. Малиновский отворачивался и кричал «ура!» демонстрантам.

– Товарищ первый секретарь, вас Бирюзов. – офицер связи незаметно подошел сзади.

– Ну, наконец-то! Доложил?

– Так точно. Нарушитель сбит над Свердловском. Первой ракетой. Операция пошла отлично, согласно плану, разработанному в штабе. Первой же ракетой.

– Знаю я ваши планы. Передайте Бирюзову, что я свяжусь с ним чуть позже.

Хрущев улыбнулся. Перед ним шли и шли радостные колонны демонстрантов. Светило яркое солнце. Чистое голубое небо уже ничем не омрачалось. Хрущев еще раз опустил кулак под трибуну и ткнул Малиновского в бок. Малиновский улыбался.

Глава 2. О том, как Хрущев припугнул американцев, и американцы испугались

И запылал огонь войны

И две страны разорены

И поле некому косить

И мертвых некому носить

И только смерть, звеня косою

Бредет пустынной полосой

Ованес Туманян, в пер. С.Я.Маршака

– Господин президент! – первый помощник, как всегда, вошел тихо, с почтительным полупоклоном.

– Да, Коллинз? – президент Эйзенхауэр сидел в глубоком, уютном кресле.

– Из советского посольства. Приватная депеша.

Президенту не хотелось вставать. Ему не хотелось заниматься делами, а уж тем более распечатывать и читать эту злополучную депешу. И уж совсем не хотелось думать о том, как на нее отвечать, потому что президент догадывался, что в этом письме.

– Давайте, – он все же протянул руку, хотя делать этого вовсе не хотелось, разорвал конверт, скомкал, бросил на пол и начал читать. По мере того, как он читал, лицо его все больше и больше темнело.

– Хрущёв предлагает встретиться. Письмо было передано секретно?

– Да, господин президент!

– Предлагает встретиться и приватно обсудить вопросы внешней политики СССР и США. Знаю я эти вопросы! Даллес проведет неудачную акцию, а все его затеи рано или поздно станут известны! Нам нечего обсуждать с Хрущевым.

Коллинз пожал плечами.

– Может СССР предлагает какой-нибудь план?

– Основная миссия Соединенных Штатов – это забота об интересах наших собственных избирателей. А русские медведи обогнали нас по многим пунктам. Спутник раньше нас запустили, ракеты делают. А теперь еще раз показали, как эти ракеты можно применять. Даллес снова в лужу сел. Эти русские со своими ракетами и со своим космосом у меня вот где!

Эйзенхауэр выразительно постучал ладонью по шее.

– Передать русским отказ от встречи?

Эйзенхауэр поморщился.

– Они нам еще и Вьетнам, и Ирак припомнят. Мы же предупреждали, что инцидент с разведывательным самолетом будет иметь самые неприятные последствия. А Ирак? Кто там вмешался, как это называется?

– Спецназ, – подсказал Коллинз.

– Да. Как они наших десантников перехватили? Ирак – это нефть. Это стратегический интерес. Был бы еще один тихий переворот, и все. Так нет, опять этот Даллес со своим ЦРУ сел в лужу. И, похоже, Ирак становится верным другом Советского Союза.

– Оставим все без ответа.

– Пожалуй.

– На словах нас предупредили, что в случае отказа от встречи возможна широкая огласка.

– Да, этого не хотелось бы. Думаешь, они посмеют?

– Хрущёв теперь никого и ничего не боится. Он твердо решил подвинуть в сторону наши интересы и на Ближнем Востоке, и в Азии, в пользу России.

– Да, Хрущев стал силен. Может посметь обнародовать некоторые политические моменты, – Эйзенхауэр кивнул, – Но скорее всего, это случится после заседания.

Представители стран Большой шестерки собрались в зале. Шел третий день саммита. Все делегации прибыли вовремя, кроме двух – США и СССР. То, что американцы своим тихим хамством и постоянными опозданиями подчеркивали непризнанное главенство, ни для кого не было диковинкой. А вот СССР таких демонстраций еще не устраивал. В воздухе в очередной раз собралась гроза. Делегаты Франции, Англии, и Германии тихо перешептывались между собой.

Наконец прибыли американцы. Они молча и деловито расселись, президент Эйзенхауэр извинился дежурной фразой и сел на председательское место. Он встал, готовясь произнести вступительное слово, как появилась советская делегация. Не говоря ни слова, Хрущёв протопал к центральному микрофону, достал большой клетчатый платок, высморкался и без приглашения начал говорить:

– Уважаемые господа! Хотя наше заседание и имеет жесткий регламент, я, в интересах мирового сообщества, вынужден его нарушить. Речь идет прежде всего об интересах народов Азии, которые систематически нарушаются кое-кем из присутствующих.

– Господин президент Хрущёв.., – попытался остановить его Эйзенхауэр.

– Я не господин и не президент! – твердо заявил Хрущёв. – Не оскорбляйте меня словом «господин». Я – товарищ Первый секретарь. А вопрос вашего вмешательства в Ираке и во Вьетнаме – вопрос, не терпящий отлагательства.

– Обсудим это в приватной беседе.

– Время приватных бесед прошло. Мы намерены твердо защищать интересы братских народов. Мы не позволим США хозяйничать, где бы то ни было – ни на нашей собственной территории, ни на территории дружественных свободолюбивых народов.

При этих словах Хрущёв хитро посмотрел на Эйзенхауэра, а затем помахал в воздухе пухлыми ладошками и сделал жест, намекающий на падение самолета. А чтобы было понятнее, еще и присвистнул.

Не выдержавший такого хамства Эйзенхауэр покраснел.

– Господин Хрущёв, жизненное пространство США не является вашей компетенцией.

– А что, Урал уже стал жизненным пространством Америки? Корея была, Китай был, а теперь Ирак и Вьетнам стали? Что, нефть и бокситы понадобились? Вот!

Хрущёв сложил крупную фигу и показал волосатым пальчиком на Эйзенхауэра.

– А не бывать Америке в Ираке. Не бывать. И во Вьетнаме не бывать. Пол-армии своей положите, а не будете в Ираке! И во Вьетнаме не будете!

– Мы обсудим этот вопрос. Приватно. А сейчас давайте обсуждать вопросы торговых соглашений в Европе.

– Вы знаете, господин Хрущёв в чем-то прав, – неожиданно подал голос представитель Франции. – Наверное, вопросы интересов стран Европы следовало бы учитывать во внешней политике Соединенных Штатов.

– США преследуют интересы демократии! Как известно, нас интересует прежде всего защита прав человека по всему миру. Не будем отклоняться от глобальных экономических вопросов в угоду досадным мелочам.

– Это досадные мелочи? – Хрущёва передернуло. – Поведение США в воздушном пространстве СССР – мелочи? А судно? Наше судно в Кунь-Ши? Мы защищали только экономические интересы, мы торговали. Военное присутствие США в Юго-Восточном регионе недопустимо.

– Господа, мы извинились! Судно не прошло таможенный досмотр. Это был случайный инцидент.

– С каких это пор советские суда проходят досмотр американцев? Мы торгуем с Народно-демократическим Вьетнамом, а не с США. Я понимаю, что вы соблюдаете свои интересы в Азии. Но мы не позволим вам устраивать новый мировой порядок!

Эйзенхауэр молча пожал плечами. Эта сцена сильно раздражала его.

– Не позволим! – закричал Хрущёв, схватил толстую папку и с грохотом бросил ее на трибуну. – Мы не дадим Америке хозяйничать в мире и защитим дружественные народы!

Зал притих. Делегаты замерли, ясно понимая, что СССР действительно это может. Своевластие Эйзенхауэра им сильно надоело, и они одобрительно закивали.

– Не позволим! – снова закричал Хрущёв. – Не позволим. А если Америка полезет во Вьетнам или еще куда, – я ее в землю вобью!

Неожиданно Хрущёв наклонился, а когда выпрямился, в руке у него красовался лакированный туфель. Он поднял туфель над головой, и, потрясая им в воздухе, продолжил:

– У вас, господа, длинные руки. Флот и авиация. Знаем, знаем. Но если надо, мы их укоротим. Очень сильно укоротим! И армию, и авиацию, и флот. Я вас в землю вобью по уши!

Выкрикнув это, он со всего маху ударил ботинком по трибуне. От бумаг полетели клубы пыли, жалобно взвизгнули микрофоны, и зазвенел разбитый стакан.

– По самые уши. Всю Америку. Вот так.

Он швырнул ботинок на пол, пнул его ногой и, не оборачиваясь, вышел из зала. Вслед ему грянули аплодисменты.

Глава 3. Рассказ о том, как младший лейтенант Кашечкин влюбился

Незнакомая девчонка

Неземная красота,

Смотрят все друзья вдогонку

Я смотрю... Моя мечта!

Я лечу за ней, как ветер

Догоняя, говорю:

»Лучше нет тебя на свете!«

И в глаза ее смотрю.

А глаза огромные,

А улыбка скромная.

»Может быть, в кино пойдём?«

А она: «давай пойдём»

Андрей Ковалев

Младший лейтенант артиллерии Василий Семенович Кашечкин, двадцати трех лет от роду, весь чистенький, свеженький, какой-то новенький и радостный, в начищенных до блеска хромовых сапогах, весело печатал шаг, направляясь к знаменитому кинотеатру «Художественный». Стоял ясный субботний день. Младшему лейтенанту Кашечкину было хорошо. Младший лейтенант только что окончил артиллерийское училище, получил новенькие погоны с одним просветом, и прикрепил к ним звездочку. Теперь же он получил направление в зенитно-ракетный дивизион и находился в отпуске с целью посещения родной матери, проживавшей в Москве в обширнейшей коммуналке на улице имени революционера Красина. Кашечкин привез матери подарки, поговорил с соседкой бабой Настей, выпил на кухне беленькой московской водочки с соседом дядей Сережей, закончившим войну в звании сержанта и с уважением смотревшим на звездочки. Проникнувшись чувством собственного достоинства от такого общения, Кашечкин отправился в кино на просмотр новой картины «Неуловимые мстители», которую с восторгом смотрела вся молодежь.

Предварительно и заранее купив билет, он посмотрел на смену караула у Вечного огня, выпил газировки из тележки на углу проспекта Маркса и не спеша отправился в кинотеатр, чтобы успеть к началу сеанса.

Этот июнь в Москве выдался нежарким, но солнечным и ясным. Столицу периодически полоскали ночные дожди, и от них на асфальте оставались прозрачные лужи, весело поигры-

вающие на солнце радужной бензиновой пленкой. На улице было много прохожих, одетых по-летнему. Навстречу Кашечкину шли веселые девушки в светлых летних платьицах, бежала ватага шумных мальчишек в клетчатых ковбойках, важно шагали надменные государственные служащие в висящих мешком костюмах, шляпах пирожками и с толстыми кожаными портфелями подмышкой. Кашечкин радостно топал по мелким лужицам, и прохожие отвечали ему улыбками.

Кашечкин прошел мимо библиотеки Ленина, мимо выхода из метро. На узком тротуаре навстречу ему попала пара стилиг в вызывающе узких американских штанах, именуемых «джинсами» и делающих ноги похожими на тоненькие макаронинки. Кашечкин, как и всякий советский человек, с неодобрением посмотрел на этих аморальных личностей. У одного стилиги за спиной висела гитара с наклеенной картинкой. Картинка была яркая и забавная, Кашечкин засмотрелся на нее, умерил шаг и обернулся. Тут же его начали обгонять суетливые, вечно куда-то спешащие москвичи.

Вот прошел, обливаясь потом и поминутно вытирая носовым платком лысину, потный толстяк с портфелем. Просеменила маленькая седая старушка. Размашисто прошагал милиционер в белом кителе. А за ним...

Стуча каблучками по асфальту, мимо младшего лейтенанта Кашечкина прошла девушка. Что за девушка! Стройные ножки шагали легко и быстро. Красивую точеную фигурку облегла темная кофточка. Белый поясок юбки подчеркивал тонкую талию. Покачивая стройными бедрами, она прошла мимо Кашечкина. Мимо Кашечкина проследовали густые завитки светлых волос, осиная талия и весело цокающие каблучки туфель.

Кашечкин сглотнул слюну и покраснел. Затем сделал шаг, другой и пошел за девушкой в сторону кинотеатра. Кашечкин смущался. Кашечкин ругал себя за недостойное поведение. Кашечкин повторял, что им все равно по пути и идет он за ней совершенно случайно. Кашечкин боялся, что она куда-нибудь свернет. И Кашечкин старался не отставать, но и не приближаться.

Первые пятьдесят шагов Кашечкин размышлял над тем, как хорошо, что в начале лета в Москве можно увидеть таких девушек. И как плохо, что в их городе таких девушек нет. Нет даже на танцах в клубе училища, куда слеталась вся окрестная молодежь. Пройдя еще тридцать шагов, Кашечкин почувствовал, как у него сводит живот, и смущался еще больше. А еще через пять шагов он понял, что влюбился по уши, что это и есть та самая, единственная любовь с первого взгляда, и что погибла его душа. И ему сразу стало ясно, что он должен, просто обязан с ней познакомиться. Еще более смущаясь, смущаясь до комка в горле, до дрожи рук, он прибавил шаг и окликнул:

– Девушка!

Но ему только показалось, что он окликнул. Беззвучно пожевав губами, Кашечкин снова пошел вперед. Он придумывал сотни способов завязать знакомство. Вот, например, сейчас из-за угла выйдет толпа стилиг и нападет на нее, а он, младший лейтенант Кашечкин, побьет их всех и спасет ее.

Или случится авария, машина, потеряв управление, выскочит на тротуар, а он, Василий Кашечкин, подхватит ее и отведет в сторону. Навстречу им действительно ехала машина, такая одинокая, и даже слегка вильнула в сторону. Но аварии, увы, не было.

Или вот вдруг на Москву, прямо на них, упадет самолет, и Кашечкин спасет ее, вытащит из огня. Эх, нет! Кашечкин вспомнил, что полеты над Москвой запрещены.

Кашечкин задумался и посмотрел на небо. Как бы познакомиться? Каждый шаг приближал к расставанию, а ни хулиганов, ни машин, ни самолетов не было.

Внезапно кто-то стукнул его в колено. Упав с небес на землю, Кашечкин увидел маленького старичка с авоськой в руке. Именно этой авоськой старичок и задел его.

– Извините-с! – старичок вежливо приподнял шляпу, отчего у него на голове встали дыбом седенькие перышки волосиков, и слегка поклонился. – Прошу прощения.

– Нет, это вы меня извините! – остановился Кашечкин.

– Нет-нет, что вы, что вы! – пятясь задом, продолжал помахивать шляпой старичок.

– Нет, это я виноват, прошу прощения, – замялся Кашечкин, досадуя на задержку, – извините.

Он ловко щелкнул каблуками, сделал «налево кругом» и пошел дальше. Девушка, на секунду заглядевшись на эту уличную сценку, отвернулась, и тоже пошла.

«Только бы не свернула, – думал Кашечкин, – только бы не свернула. Дойду до того угла и спрошу у нее время!»

Но дойти не удалось. На стене дома слева висела крупная цветная театральная афиша. Девушка остановилась, глядя на нее, прижалась к перилам дорожного ограждения так, чтобы не мешать прохожим. Люди ручейком потекли между ней и афишей.

Кашечкин сбился с шага. Теперь он должен был либо остановиться рядом с ней, либо позволить толпе увлечь себя дальше. Кашечкин сбавил шаг и прошел мимо. Она внимательно, с серьезным лицом изучала афишу. Сделав пару шагов и ругая себя за нерешительность, Кашечкин обернулся и тут же спрятал глаза. Девушка шла следом. Перехватив его взгляд, она повернулась к переходу и пошла в сторону Военторга. Кашечкин развернулся и решительно пошел за ней. Нельзя было упустить ее в густой военторговской толпе. Но, видимо, девушка спешила не в Военторг, а куда-то в другое место, скорее всего на Никитский бульвар. По одному пути с Кашечкиным.

Подойдя к военторговской витрине, она посмотрелась в огромное зеркало, висевшее прямо снаружи, легким движением поправила прическу, улыбнулась и пошла дальше. Отставший Кашечкин, снова смущаясь и краснея, прошел сзади и весь сомлел, увидев этот удивительно женственный, исполненный изящества жест. Он уже не хотел знакомиться, он просто шел и шел следом, с наслаждением наблюдая за ней. Она же спешила по своим делам. Кашечкин радовался, что она его пока не заметила, и надеялся, что ему удастся так еще долго, тихо и незаметно, идти за ней.

Но она вдруг остановилась на углу дома, похожего на средневековую крепость, достала из сумочки маленькое зеркальце и начала платочком стирать что-то со своего прелестного носика. Открытая дамская сумочка, висящая на левом локотке, сползла, одна ручка соскочила и начала угрожающе опускаться. Девушка, не замечая этого, продолжала сосредоточенно обмахивать носик. Внезапно ручка упала, сумочка совсем распахнулась, и из нее на садовую скамейку хлынул поток всяческих дамских предметов первой необходимости – флакончик духов, помада, расческа и многое-многое другое.

Кашечкин замер. Девушка подхватила предательскую сумочку, положила в нее зеркальце, вздохнула и, смущенно взглянув на Кашечкина, начала собирать ее содержимое.

– Извините, давайте я вам помогу! – не растерялся Кашечкин, наконец, поняв, что судьба дает ему тот самый долгожданный случай.

– Да, конечно, спасибо, – девушка кивнула.

Кашечкин ловко сгреб в огромную пригоршню все мелочи, прихватив при этом зеленый тополевый листик со скамейки, и ссыпал их вместе с листком в сумочку. Девушка вздрогнула.

– Что? – испугался Кашечкин.

– Ничего, – она двумя пальцами выудила листик и отбросила его в сторону. – Светлана.

– А? – растерялся Кашечкин.

– Светлана, – снова представилась она.

– Василий.

– Очень приятно, Василий. Спасибо.

Она повернулась, и Василий неожиданно понял, что она может уйти.

– Э... – он замялся, – подождите...

Она обернулась и внимательно посмотрела на него.

– А вы москвичка? А я тут в отпуске!

Она молча продолжала смотреть.

– Я училище закончил. К маме приехал. Я в кино иду! Давно в кино не был. У нас клуб есть, но маленький. А здесь Москва! Вот и решил пойти.

– На какой фильм? – наконец-то нарушила она молчание.

– На «Неуловимых» в «Художественный»! – он слегка замялся и вдруг, неожиданно для самого себя, выпалил: – Пойдемте вместе.

– Ну что ж, – Светлана вздохнула, – пойдемте. «Неуловимые» так «Неуловимые».

Когда они подошли, у входа кишела толпа пацанов и молодых людей, обожавших этот революционный хит. Несколько молодых парочек, сплевывая на асфальт семечки, важно проществовали внутрь. Возбужденные подростки, для которых «неуловимые» были всегдашними кумирами, тоже потихоньку просачивались в кино.

– Подождите! – Кашечкин кивнул Свете и бросился в кассу. К окошку тянулась огромная, часовая очередь, и вставать в нее не было никакой возможности. Озираясь по сторонам, Кашечкин вышел в другую дверь кассы и остановился около группы старшеклассников, прикидывая, что ему делать.

– Ну что, билет нужен? – развязной походочкой к нему подошел довольно неопрятный молодой человек.

– Да, – кивнул Кашечкин.

– Рупь.

– Почему? – удивился Кашечкин. – Билет двадцать копеек стоит!

– Рупь, – снова повторил неопрятный юноша и, будто дразня, вытянул из кармана кончик билета.

Денег у Кашечкина было мало. В обрез. А кроме покупки билета, конечно же, следовало угостить Свету в буфете пирожным и газировкой.

– Нет, – покачал головой Кашечкин, – не могу.

– Дяденька, скажите, вы артиллерист? – к Кашечкину подошел один из подростков.

– А ну! – неопрятный юноша замахнулся было на него, но Кашечкин спокойно отодвинул барыгу в сторону.

– Да, я младший лейтенант войск ПВО.

– Ух ты, как и мой папа! А вы где воевали?

Кашечкин молча покачал головой, не желая разочаровывать пацана.

– А, военная тайна! – понял пацан. – Вы в кино хотите?

– Хочу. – Кашечкин кивнул.

– На «Неуловимых»?

– Да. – Кашечкин снова кивнул.

– Вот. Держите! – пацан протянул ему билет.

– Спасибо. – Кашечкин высыпал в ладонку пацана горсть медных пятак. Барыга скривился и, как-то съжившись под взглядом Кашечкина, побрел за угол.

– Ты сам-то как?

– Я с ребятами проскочу. И постою у стеночки.

– Спасибо! – еще раз поблагодарил Кашечкин и бросился к Свете, ожидавшей у входа.

До начала сеанса оставалось пять минут.

Выпив в буфете лимонада и поболтав о жизни, они прошли в зал и заняли свои места. Василий узнал, что Светлана студентка, учится на втором курсе филфака МГУ, а сегодня у них занятия кончились рано, и она пошла немного прогуляться.

Они уселись на холодные жесткие деревянные сиденья, жалобно скрипнувшие под их тяжестью. Василий с трепетом почувствовал рядом со своим плечом теплое, нежное женское плечико и замер. Он хотел отодвинуться, но отодвигаться было некуда. Он снова ощутил ее прикосновение. Ничего подобного он раньше не испытывал.

Перед фильмом показали журнал. Под звуки духового оркестра по экрану ползли огромные зерноуборочные комбайны и передовики рапортовали о своих достижениях. Затем с оглушающим грохотом крутились станки, и, перекрывая этот грохот, диктор рассказывал о колоссальных трудовых успехах коллективов заводов «ЗИЛ» и «АЗЛК», об их победах в социалистическом соревновании и об освоении ими новой продукции. Кашечкин ощущал теплоту Светино плечика, вдыхал нежный аромат духов и млеял.

После журнала в зал зашли опоздавшие, вбежала знакомая Кашечкину ватага во главе с его безбилетным спасителем, а потом на экране начался фильм...

Конечно, в клубе училища им тоже показывали кино. Но фильмы были старые, совсем потертые и неинтересные. Такие, которые гражданскому прокату не было жалко отдавать воинской части. А этот фильм был новым и суперзнаменитым. В первых же кадрах на вершину холма вылетала четверка всадников, а над ними зловеще кружил аэроплан.

Есть пули в наганах, и надо успеть

Сразиться с врагами и песню допеть...

Лихая кавалеристская песня неслась с экрана. Красные бойцы стреляли из огромных маузеров по белогвардейскому аэроплану, который беспомощно трепыхался в небе. Потный, толстый пилот-француз с закрученными усами смотрел сверху вниз на этих отважных революционных всадников, а затем свернул в сторону и полетел обратно, к белым. И всадники на лихих конях кинулись в погоню за самолетом.

И нет нам покоя, гори, но живи.

Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови...

Красные всадники догнали на своих конях самолет, но у них кончились патроны. Они неслись, размахивая шашками, и ничего сделать не могли.

В удачу поверьте, и дело с концом.

Да здравствует ветер, который в лицо.

Переживая за красных всадников, не могущих достать хитрого белогвардейца, младший лейтенант войск ПВО Василий Кашечкин подался вперед. Рука его соскользнула, и ладонь ощутила обтянутое шелком упругое бедро. Ничего не замечая, он от волнения слегка сжал Светино колено и вдруг, опомнившись, смущенно отдернул руку.

А на экране творились чудеса. Красный всадник выхватил аркан, ловко раскрутил его и забросил в кабину аэроплана.

Погоня, погоня, погоня, погоня...

Песня звучала все сильнее и яростнее. Кашечкин, безотрывно глядя на экран, отодвинулся с края сиденья и осторожно пристроил руку обратно на подлокотник. Он краем глаза глянул на Светлану, пытаясь определить, не обиделась ли она. Светлана смотрела не на экран, а на него. Их взгляды встретились, она улыбнулась, и Василий понял, что она совсем не сердится. Он с радостью повернулся к экрану и почувствовал, как нежная девичья ручка накрывает его руку.

Аркан, заброшенный красным бойцом, натянулся и выдернул из кабины толстого пилота, который неуклюже перевалился через борт и исчез внизу. Гремела песня про погоню. Аэроплан без пилота улетел. Василий Кашечкин сидел в темной прохладе кинотеатра, смотрел фильм и думал о том, какой он молодец, что сумел пригласить в кино такую девушку. Он был счастлив.

Фильм кончился, и зрители, торопясь, начали выходить. На улице было светло, стоял ясный июньский вечер, даже не вечер, а день, склоняющийся к вечеру.

– Хорошо-то как! – Светлана посмотрела на Арбатскую площадь, на ресторан и тихонько взяла Кашечкина под руку.

– Да, хорошо! Москва такая красивая!

Они свернули на Никитский бульвар.

– Вы где живете? – спросил Кашечкин.

– На площади Восстания.

– Я вас провожу! – обрадовался Кашечкин. – Может, прогуляемся?

– Можно пешком пройти, – кивнула Светлана, – но только не до самого дома. А вы Москву хорошо знаете?

– Нет, – смутился Кашечкин, – не очень. Я здесь давно не был.

– А где вы были?

– В училище. А в училище я из Куйбышева поступил.

– А здесь как оказались?

– К маме приехал. Она замуж за москвича вышла и переехала к нему в комнату.

– Это отчим ваш? – Светлана приостановилась. – Вы с отчимом живете?

– Да, – кивнул Кашечкин, – это отчим. Отец у меня умер, когда я еще в школе учился.

Только я с ними жить не буду. Я служить в гарнизон поеду.

– А что с отцом вашим случилось? – продолжала допытываться Светлана.

– Умер. – Кашечкин вздохнул, – пил много. Ранили его на войне, и как вернулся с фронта, пить сильно начал.

– Бедный! – Светлана дружески пожала его руку, и Васин локоть слегка коснулся ее упругой груди. Василий вновь залился краской. – Так вы с мамой жили?

– Да, – кивнул Кашечкин.

– Будете скучать без нее?

– Конечно. Но только я уже привык. И у нее времени мало, она учительницей работает.

В школе ей особо не до меня. А вы с родителями живете?

– С отцом.

– Да, это хорошо, – кивнул Кашечкин.

– Чего же хорошего без матери?

– Ой, извините. Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что хорошо иметь настоящего отца.

– Да уж, – Светлана выпустила его руку и сжала губы, – конечно. Только из-за него мама и пропала. Он с ней развелся, когда я еще маленькая была, взял меня к себе, а ее выгнал. И она пропала.

– Как пропала? У нас люди не пропадают!

– Исчезла. Я спрашивала отца, а он велел мне молчать и сказал, что она пропала.

Некоторое время они шли молча. Впереди показались Никитские ворота.

– Все. – Светлана остановилась. – Не провожайте меня дальше.

– Почему? Я вас обидел?

– Нет. Но только идите домой, к маме. Я на вас не обиделась, вы мне нравитесь, но дальше нельзя.

– А можно... – внутри у Васи все замерло, – можно нам еще раз встретиться?

– Вы же уезжаете.

– Я еще неделю здесь буду. И потом я буду вам писать. Можно?

– Нет! – вскрикнула Света и отшатнулась.

– Почему? А хотите, я вас сам найду? Вы уйдете, а я вас все равно найду?

– Не надо. Можете завтра меня после института встретить. У нас семинары в три часа закончатся. Ждите меня у памятника Ломоносову.

– Да, конечно, буду ждать! – Вася улыбался. Для того чтобы отбыть на место службы полностью счастливым, ему не хватало самой малости – девушки, которой он мог бы писать и

фотографию которой мог поставить на тумбочку. В училище он так ни с кем и не познакомился по причине природной робости. Да и время в основном проходило в мужском коллективе, а увольнения и танцы в клубе были редки. В увольнениях же Кашечкин, что греха таить, не за девушками бегал, а в кино и за мороженым. А вот теперь девушка нашлась, да еще какая!

– Все. До свидания. – Светлана повернулась и пошла на Никитскую.

Кашечкин сделал было шаг ей вслед, но она обернулась и строго сказала:

– До завтра. Не смейте идти дальше.

И пошла, весело цокая каблучками по асфальту.

На следующий день, с самого утра, как только отчим и соседи ушли на работу, Кашечкин начал приготовления. Он выдвинул на середину кухни два стола – свой и дяди Сережи, поставил на газ большую кастрюлю с водой и начал стирку и глажку. Застелив оба стола байковым одеялом, он выудил из чемодана чистую, но немного помявшуюся белую парадную рубашку, сбрызнул ее водой и начал ловко охаживать утюгом. Мать, подперев щеку, сидела на крашеном табурете рядом и с нежностью смотрела на него.

– Большой ты у меня стал, ловкий! – Мать встала и потянулась к утюгу. – Дай лучше я поглажу.

– Что ты, мамочка, не надо! – Кашечкин нежно обнял ее за плечи, поцеловал и усадил обратно на табурет. – Я сам все сделаю.

– Вот бы отец порадовался, – голос матери дрогнул. – Давай я тебе хоть чайку сделаю!

– Мамочка, милая, не хлопочи. Я сам теперь за тобой ухаживать буду. Вот отглажу все и в магазин схожу, за продуктами.

Мать улыбнулась.

– Вижу я, в какой магазин собрался. На свидание небось идешь.

Кашечкин молча кивнул.

– Иди, иди, – ласково заговорила мать. – Главное, чтобы хорошая девушка была, а не вертихвостка какая!

– Она, мамочка, очень хорошая! Она мне писать будет.

– Правильно, пусть пишет. Знаешь что? – Мать перешла на заговорщицкий шепот, глаза ее стали хитрыми, и она поманила его к себе. Кашечкин отставил утюг и наклонился.

– Ты на ней женись! – шепнула мать.

– Что ты, мама! – Василий выпрямился. – Мы только день и знакомы.

– Если она москвичка, женись непременно. Соскучилась я по детишкам маленьким, соскучилась. А тут вы ребеночка родите, я его нянчить буду...

– Мама! – не выдержал Вася. – Я же уезжаю!

– Ну и что? Комнатка-то у нее в Москве есть?

– Она с отцом живет, на площади Восстания!

– О! Это в высотке? Значит, большая шишка ее отец, большая. Женись на ней, Васенька, непременно. Она с тобой поедет, я здесь ребеночка нянчить буду. Не век же тебе одному.

– Да. – Василий задумался. – Я бы с удовольствием на ней женился. Но знакомы мы еще мало.

– А ты иди, иди! – всполошилась мать. – Иди, не опаздывай. Девушки этого не любят! Поговори с ней, поцелуй. Сюда приведи, в гости, чтобы и я посмотреть на нее могла.

– Постараюсь привести, – Вася расплылся в улыбке. – Мы погуляем, а потом к тебе придем.

– Да, да, – кивала мать, – конечно! И цветочки ей купить не забудь.

Ровно в три часа Василий в обнимку с маленьким букетиком белых цветов важно дефилировал под липами вокруг памятника Ломоносову, вызывая косые насмешливые взгляды студентов и неподдельный интерес студенток, сидевших с книгами и конспектами в сквере. Их страшно интересовало, кого же встречает этот красивый молодой лейтенант. Но прошло десять минут, пятнадцать, полчаса, а лейтенант все так же ходил возле памятника, теребя букет в руках. Место и время встречи, по мнению студентов, были неудачными.

Внезапно к Кашечкину подошел высокий студент с небольшой аккуратной бородкой, сильно противоречившей институтской морали. Одет он был не вызывающе, но как-то так, что сразу выделялся среди других.

– Василий? – бородатый ткнул толстым пальцем Кашечкину в живот.

– Да. – Кашечкин отстранился.

– Ну тогда давай пять. – Бородатый протянул ему пухлую ладонь. – Паша.

– Василий Кашечкин. – Кашечкин пожал мягкие пальцы.

– Ждешь? – Паша попытался подцепить пальцем букет, но Кашечкин поспешно спрятал его за спину.

– Значит, ждешь. Светка просила передать, что задерживается.

– У нее семинары продлили?

– Ага, – как-то нехорошо усмехнулся бородатый, – продлили. Сказала, чтобы ты подождал.

– Я жду. Спасибо. А вы вместе учитесь?

– Да. Вот так вот бог свел, вместе с ней учиться.

– И скоро она придет?

– Не-а! – помотал головой бородатый. – Не скоро. Знаешь что, товарищ младший лейтенант, а пойдем-ка пива выпьем?

– Да вы что, никак нельзя! Я Свету ждать должен.

– А брось ты! – Бородач снова усмехнулся. – Она часа через два только будет. Не раньше. Просила развлечь тебя пока что. Вот и развлечемся пивком. Кстати, и цветы в воду поставим, а то из них уже веник получился.

– Это далеко? – При мысли о холодном пиве, недоступной в училище роскоши, Кашечкин сразу стал более сговорчив. Да и цветам не мешало бы отдохнуть.

– Недалеко. Тут на Дмитровке классный пивняк есть. Там раков к пиву дают! – Паша заговорщически поднял палец и потянул Кашечкина за рукав. – Пошли, пока я добрый. Успеем как раз!

Кашечкин повернулся и побрел за ним.

– Только вот что, – Паша обернулся. – Поскольку я альтруистично делаю доброе дело, развлекаю тебя, между прочим, в ущерб своему собственному времени, ты меня угощаешь.

– Что?

– За пиво заплатишь. И рака одного купишь. Я, вишь, без степухи остался.

– Без чего? – не понял Кашечкин.

– Без стипендии.

– Украли?

– Не! – Паша оскалился кривой улыбочкой. – По философии трояк огреб. Зато я тебе кое-что интересное расскажу!

Они вместе вышли в калитку. Студенты, сидевшие на лавочках, начали бурно это явление обсуждать. Как же так, гулял офицер, с букетом, явно ждал студенточку на прогулочку. А

вместо студентки явилось бородатое чучело, взяло офицера под ручку, и они вместе куда-то ушли? Есть повод для кривотолков и анализа морального облика!

Немного пройдя московскими переулками, они перешли улицу Горького и нырнули в какой-то подвальчик. Спустившись по ступенькам, они действительно оказались в пивной, малолюдной в рабочее время.

– Привет, тетя Клава! – Паша радостно распростер объятия огромной буфетчице, стоявшей за грязной стойкой.

– Здравствуй, студент, – кивнула та. – Ты как сегодня, при деньгах?

– Студенты при деньгах не бывают. Вот он, – Паша указал на Кашечкина, – угощает. Нам по кружечке и по одному рачку. И не разбавляй, смотри!

Буфетчица со стуком поставила на стойку две кружки с обильным пенным верхом, глубокую тарелку и плюхнула на нее двух ярко-красных раков.

– Вот спасибо! – Паша просиял. – Я пойду, столик займу. А ты того, плати и приходи.

Они заняли мраморный столик на высокой железной ножке. Отхлебнули пива. Паша с хрустом отломил рачью клешню, обсосал, пожевал и сказал:

– И давно ты со Светкой знаком?

– Какое это имеет значение? – насторожился Кашечкин. – У нее что, кто-то есть?

– Был, – хихикнул студент, – а сейчас нет. Ну, так давно знаком?

– Вчера я с ней познакомился. Случайно, на улице.

– Что, так прямо и случайно?

– Да, конечно. А потом мы в кино пошли.

– Нравится она тебе?

– Да кто ты такой, чтобы спрашивать? – удивился Кашечкин. – Пей свое пиво.

– А я тебе добра желаю. Я может, за Светкой и сам бы поухаживал. Девочка богатая и красивая!

– Да я тебе! – Кашечкин стукнул по столику кулаком. Тарелка с оставшимся в одиночестве раком зазвенела.

– Умолкаю, умолкаю! – Паша ернически прижал руки к груди.

– Я уезжаю. По месту прохождения службы. И мне очень не хочется, – Василий сделал нажим голосом, – чтобы тут что-нибудь произошло.

– Да ты не бойся, лейтенант, служи спокойно. Можешь даже жениться. Тут ее все знают. Никто с ней гулять не будет.

– Вот и хорошо.

– А знаешь, почему? У нее папаша – кремень. Ты с ним еще не познакомился?

Кашечкин отрицательно помотал головой.

– Папашка у нее суровый. Хотя, может быть, ты ему и понравишься. Он сам, слышь ты, – Паша снизил голос, – полковник! Да не простой, а в каких-то органах. Ох и крутой мужик! Рассказывают, он за Светкой так следил, что на машине ее в школу возил и встречал. Шагу сделать не давал. И теперь не дает. Тут один за ней поухаживать решил, когда она еще на первом курсе была. Тоже цветочки принес.

Паша кивнул на букетик, заботливо поставленный в наполненную водой пивную кружку, и продолжил:

– Да, цветочки. И не домой, а на свидание. А она их домой-то и принесла. А на следующий день чуваку этому папаша и позвонил. В гости, дескать.

– Ну? – Кашечкин стал слушать намного внимательнее.

– А тот папаше отвечает, что, мол, дела, и нет времени. Так что ты думаешь? А, что ты думаешь?

– Думаю, они встретились.

– Ага! – радостно закивал бороденкой Паша, – встретились. На следующий день записали того друга в машину, прямо у института, и к папашке на допрос. А папашка сразу и спрашивает – мол, когда и как свадьба, где жить будете, и все такое. Мало того, сказал, что чуваку тому из универа уйти придется, чтобы семью содержать, но папашка ему, так и быть, поможет, на завод устроит. А тот чувак и говорит, что, мол, у них и не было ничего, что они и не целовались даже, и то да се...

Кашечкин слушал с интересом, не особо понимая, к чему клонит Паша.

– Да ты слушаешь?

Кашечкин кивнул.

– Слушай, ты этого рака есть будешь? – Паша ткнул пальцем в тарелку. – А то, может, я возьму?

– Если хочешь, бери, – кивнул Кашечкин.

– Вот спасибо, вот уважаю! – Паша смачно вгрызся зубами в шейку, прожевал и продолжил:

– Так вот. А папаша и спрашивает, типа что, жениться будешь сейчас, а из института сразу после сессии уйдешь? Ну, чувак, понятно, свое гнет. Мол, чувства надо проверить, и так далее. Кому же на вылет сыграть охота? Так чувства ему проверить не дали. Папаша тут же на месте его и отметелил. Да! – Паша потрогал скулу, почесал бороду. – Кожу вот рассадил. А через неделю декан его вызвал и сказал, что или чувак этот переводится на вечерний, либо вылетает к чертям! Год пришлось на заводе вкалывать, пока не восстановили.

– Так это ты за Светой ухаживал? – догадался Кашечкин.

– Только не надо сцен! Дело давнее.

– Тьфу! – Кашечкин сплюнул, – а я тут тебя слушаю.

Он выхватил цветы из кружки и пошел было к двери, но у выхода обернулся.

– Слушай, Паша...

Паша быстро подбежал, оставив недопитое пиво на столике. Двое типов с носами-картофелинами в синих прожилках проводили его мутными взглядами.

– Ну? Не думай ты плохого, я тебе добра желаю...

– Слушай, Паша, а что, у Светы до сих пор никаких друзей нет?

– Откуда? – Паша махнул рукой. – Пробовал было еще один сунуться, так папашка его тут же вычислил и в отставку отправил. И следит он за ней. А на тебя я посмотрел и подумал, что ты вроде как офицер и с мужиком этим столкнешься. Кстати, и Света сегодня не просто так задержалась. Папашку со следа сбить хочет. Ну что ж, раз пива больше не хочешь, я допью. Бывай, офицер.

Паша протянул ему руку. Кашечкин механически пожал и вышел на улицу. Сложные чувства обуревали его. Все радостное волнение померкло, и на место его пришла какая-то жалость, щемящее чувство нежности к этой обиженной жизнью девочке.

Он не стал заходить в сквер, к памятнику, а встал в тени дерева за оградой. Ждать пришлось недолго. Светлана выпорхнула откуда-то из бокового выхода и остановилась, разочарованно глядя на площадку перед памятником. Она сразу, на глазах, погрузилась и пошла дальше медленной, тяжелой походкой.

Кашечкин посмотрел на букет. Цветы не завяли, но выглядели не совсем свежими. Он еще раз взглянул на Свету, которая так и не увидела его. В душе у него боролись противоречивые чувства. Он отшагнул чуть назад, за столб, и начал перебирать листики у цветов. Яркое светило радостное солнце. Гудели машины. Скамьи в сквере опустели, и только Ломоносов важно сидел в своем кресле.

Вздыхнув, Кашечкин сделал еще шаг, размахнулся изо всех сил и бросил букет вверх, в голубое небо. Перелетев через чугунную ограду, цветы описали красивую дугу и шлепнулись прямо к Светиным ногам. Скреплявшая их нитка лопнула.

Света вздрогнула и, все еще не понимая, огляделась по сторонам. Кашечкин приподнялся на носки и помахал рукой. Света увидела, вскрикнула и, оставив цветы на дорожке, кинулась к нему.

– Здравствуй! – она схватила его под локоть и быстро потащила в сторону. – Ты Пашу встретил?

– Здравствуйте! Да, встретил. Куда мы идем?

– Вы поговорили? – не обращая внимания на вопросы, продолжила Света. – Ведь поговорили, да?

– Поговорили.

– Хорошо поговорили?

– Даже пива выпили, с раками.

– А когда ты уезжаешь?

– Через две недели.

– А в кино меня еще пригласишь?

– Постараюсь, – кивнул Кашечкин.

Некоторое время они шли молча, пока не вышли к Большому театру и не остановились на углу. Света уже не спешила.

– Я пойду в кино. Но только я не всегда смогу с тобой встречаться. Далеко не всегда, – она замолкла, а потом вдруг спросила: – У тебя есть девушка?

– Что? – удивился Кашечкин. – Ты о чем?

– Девушка. Любимая. Невеста. Есть?

– Нет. Давай, ты будешь моей любимой девушкой. Писать мне в гарнизон будешь. Я тебя с мамой познакомлю.

– Познакомь. И пиши, – Света кивнула, – я тебе адрес подруги дам, на него пиши.

Света замолчала и легонько потянула Кашечкина за руку, в тень колоннады.

– Знаешь что? – держа за руку, она внимательно посмотрела ему в глаза и едва слышно, одними губами произнесла: – Давай поцелуемся.

Кашечкин, как во сне, почувствовал ладонями упругую, гибкую девичью талию. И тут же тонкие нежные руки обвили его шею, и ее маленькие нежные губки коснулись его губ. От нее пахло фиалками.

Глава 4. Обыкновенные биографии американских мальчиков

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,

Средь военных трофеев и мирных костров,

Жили книжные дети, не знавшие битв,

Изнывая от детских своих катастроф.

В.Высоцкий

Детство свое, прошедшее в итальянском квартале Нью-Йорка, Сильвестр Макарони помнил хорошо, но при каждом удобном случае старался его забыть. Самым ярким воспоминанием из этого детства была ванна, стоявшая прямо посередине кухни. И когда маленький Сильвестр, шлепая босыми ножками, ночью шел на кухню, чтобы напиться, и включал свет, густые полчища тараканов с веселым топотом выскакивали из всех щелей и кидались под эту ванну. Сильвестр тараканов не любил и побаивался. Тараканы вскоре это поняли и при его появлении в кухне прятаться перестали. Тогда Сильвестр, чтобы внушить почтение злобным тварям, брал кожаный шлепанец и начинал звучно лупить их на щелястом полу. Если мальчик увлекался, и в доме стояла сплошная канонада, просыпался отец.

Встрепанный, заспанный итальянец с печальными глазами, закутанный в халат, он отнимал орудие смертоубийства у чада. Иногда, если отец был уставшим и невыспавшимся, он применял это орудие к сыну для объяснения того, как следует вести себя в благородном семействе.

Кстати, об отце. В самом начале войны житель солнечного Неаполя Джузеппе Макарони разошелся с великим дуче во взглядах на перспективы развития модного салона, составлявшим основу семейного бюджета. Правда, злые языки поговаривали, что темпераментный синьор Джузеппе по молодости лет погорел на косметическом массаже. То ли он неправильно сделал даме массаж, то ли дама была не та, но из солнечного Неаполя Джузеппе бежал через Югославию и Румынию сначала в Алжир, а затем, не задерживаясь, в Соединенные Штаты. Здесь он тоже пытался основать сеть массажных салонов, но единственным его успехом на этом поприще за годы войны была женитьба на весьма милой певичке, имевшей все шансы стать примадонной.

Именно поэтому первые семь лет жизни Сильвестра и были заполнены итальянским кварталом. Здесь он рос. Здесь он дрался с мальчишками. Здесь он воевал с тараканами, бедностью и младшим братом Фредом. Здесь он наблюдал, как мать, злая и трезвая, шла вечером петь в очередном мюзикле, в хоре среди двух сотен таких же девиц. И потом она возвращалась домой под утро, изрядно пьяная, но добрая. А отец орал на нее со своим смешным итальянским акцентом. А на другой день мать орала на отца за неправильно сделанный массаж.

Наконец, когда Сильвестру исполнилось семь лет, отец сделал-таки правильный массаж. Он сумел открыть салон красоты сначала в Нью-Йорке, а затем и в других городах. Отец, ставший хозяином, посмотрел на симпатичную мордочку маленького Сильвестра, надел на него соломенную шляпу и повел фотографировать. На рекламу. Снимок получился хорошо, и отец решил задать малышу правильное направление воспитания.

Отец смог позволить себе давать детям образование. Он отдал Сильвестра в частную школу, в которой вместе с науками преподавалось и искусство. В работе стилиста и визажиста

синьора Макарони это было необходимо, а значит, и сын не мог без этого обойтись. Конечно, лучше было бы заниматься искусством живописи, но бедный Сильвестр страдал нарушением цветоощущения, и отец, скрепя сердце, отдал его на факультет театра и стихосложения.

Целых три года несчастный Сильвестр ходил в школу, где ему на штанишки повязывали голубые бантики и заставляли со сцены декламировать стишки, восхваляющие непорочных ангелов на небесах. В этой же школе он научился читать. В этой же школе он научился считать. Здесь же на школьном спектакле его нарядили цветочком-ромашкой и поручили петь песенку про жучков. Папа с мамой, дополнительно оплачивавшие уроки хореографии, гордились и вытирали слезы умиления, глядя на его неуклюжие прыжки по сцене.

Нельзя сказать, что Сильвестру в этой школе нравилось все, далеко нет. Ему были отвратительны коротенькие форменные штанишки. Ему были омерзительны попытки родителей превратить его густые черные кудри хотя бы в отдаленное подобие ангельских волосиков. Но хуже всего были голубые бантики, цеплявшиеся за все вокруг.

Но в школе было и много хорошего. Именно там Сильвестр первый раз вдохнул сладкие миазмы дыхания сцены. Он любовался собой на сцене. Он любовался собой в школе. Иногда дома он вставал в красивую позу перед зеркалом и начинал читать самому себе героические стихи. Он великолепен, Сильвестр Непобедимый!

Ровно через три года обучение в школе искусств закончилось по весьма банальной причине развода родителей. Отец объяснил, что рафинированному образу куртуазного итальянского визажиста, стилиста и содержателя салонов красоты вредит общение с банальной певичкой. Эта певичка мешает ему делать правильный массаж нужным клиентам. Впрочем, и сама певичка, вытряхнув при разводе из своего благоверного немалую сумму, сочла, что она будет лучше чувствовать себя без итальянских стилистов. Она решила, что все Штаты будут без ума от ее турне.

Поэтому следующие два года жизни Сильвестра прошли в бесконечных скитаниях по городам. За это время он сменил пять школ. Школы были разные, и только один факт повторялся в них с завидным постоянством – Сильвестра в них били. Били не сразу, а только после блестящих выступлений на школьных спектаклях. И били всякий раз, когда он пытался прикрепить к своим штанишкам голубые ленточки, составлявшие основу его сценического образа. Впрочем, к тому моменту и мать успевала получить пинка в очередном кабаре, и они втроем с братом переезжали на новое место.

Лишь на третий год странствий матери повезло. Используя свое недюжинное сценическое дарование, она сумела очаровать толстого владельца пары бензоколонок на 80-м шоссе. Произошло это, когда мать выступала на одной из лучших сцен города Сан-Франциско, штат Калифорния. Ну, не совсем, конечно, в самом городе. Но рядом с ним, в Дэйвисе.

Правда, в самом Дэйвисе остаться им не удалось. Пришлось переселиться вместе с бензиновым королем немного подальше в горы, но это тоже было неплохо. Каждое утро школьный автобус останавливался возле домика у центральной заправки, забирал Сильвестра и Фреда и вез их в школу. С толстым заправщиком у них тоже сложились нормальные отношения.

Заправщика звали Гарри. Как только Гарри увидел Сильвестра, он по-деловому подошел к нему и хлопнул по ладони.

– Привет, парень! Как поживаешь?

– Хорошо. – Сильвестр потупился.

– Ха! – Гарри вздрогнул своим огромным пузом. – Кто же так отвечает?

– А как надо?

– Вот так, смотри! – Гарри поднял свою огромную красную лапищу перед носом Сильвестра, взял его маленькую ладошку и хлопнул по ладони. – Вот так хлопаешь и отвечаешь: «Лучше всех, парень!». Ну-ка, повтори!

– Лучше всех, парень! – радостно взвизгнул Сильвестр и шлепнул по задубелой коряге, представлявшей собой ладонь Гарри.

– Молоток! – оценил Гарри. – Пиво пить пойдешь?

– Не знаю. – Сильвестр замялся. – Если мама отпустит.

– Ха, мама! В твоём возрасте пора самому такие вопросы решать. Еще раз спрашиваю – пиво пить будешь?

– Буду! – Сильвестр улыбнулся.

– Только скажи мне, эти бантики кто на тебя надел?

– Мама. – Сильвестр вздохнул.

– Отлично! А то я уже боялся, что ты их сам нацепил. Пиво в бантиках не пьют.

– А как его пьют?

– Настоящие мужчины носят вот что!

Гарри исчез за воротами гаража, минут пять шумно рылся внутри и вышел, неся синий джинсовый комбинезон.

– Меряй!

Сильвестр утонул в нем, но Гарри ловко подвернул штаны и подтянул ляжки.

– Вот теперь ты выглядишь как мужчина. Пошли!

Они взялись за руки и двинулись в сторону расположенного неподалеку бара.

Гарри, отдуваясь, плюхнулся за столик и разместил рядом свое пузо.

– Мне пиво. И чипсы. И ему пиво.

Официантка сделала удивленные глаза.

– Безалкогольного. Чем вы тут водителей травите... То есть, поите?

Они посидели молча.

– Гарри, а я никогда раньше не пил пиво... – осторожно начал Сильвестр.

– Я это понял, – усмехнулся Гарри. – А в школу ты в этом костюмчике ходишь?

Сильвестр кивнул.

– Так... И на рождественских спектаклях выступаешь?

Сильвестр снова кивнул.

– А не бьют тебя?

– Бьют. – Сильвестр всхлипнул.

– Перестанут, – убедительно произнес Гарри. – Будешь одеваться, как я скажу. Начнешь играть в футбол. И никаких спектаклей.

– Я люблю спектакли...

– Тогда будешь играть исключительно гангстеров. Понял?

Сильвестр кивнул. Он твердо решил про себя, что будет выполнять все наставления Гарри.

А Гарри был малый не промах. На своих бензоколонках он держал исключительно мексиканцев, которым вколачивал понятия о дисциплине пудовыми кулаками. Он же периодически объяснял Сильвестру, как устроен автомобиль, как стрелять из пистолета и где ловить кошек. Он снабдил Сильвестра целым чемоданом гангстерских комиксов и внушил ему свои представления об успехе в жизни. Но все же он так и не смог научить его курить, драться и пить дешевое виски. Все же отцовские гены были сильнее.

И еще Гарри никак не мог отучить Сильвестра от пристрастия к сцене. Здесь они уже вдвоем с матерью нажали на него и приучили к школьным спектаклям. В них Сильвестр играл исключительно чертей, разбойников и авантюристов.

В пятнадцать лет Сильвестр плохо учился, зато хорошо играл в баскетбол на школьном пустыре и самозабвенно играл в спектаклях. Он каждый день по часу проводил перед зеркалом, пытаясь выбрать героический ракурс. К сожалению, его физиономия, доставшаяся по наследству от синьора Макарони, отнюдь не впечатляла. Особенно ему не нравились собственные

карие, глубокие и печальные глаза. Как он ни подрисовывал к ним тени, они все не тянули на глаза беспощадного убийцы. Зато челюсть удалась на славу. Сильвестр научился по-бульдожьки выдвигать ее и выглядел при этом очень грозно.

В попытках стать мужественным и похожим на настоящего бандита, Сильвестр перепробовал много способов. Он даже сделал себе на плече маленькую татуировку, которой, впрочем, остался недоволен.

Помог ему в обретении образа, как ни странно, их учитель физкультуры. Он показал Сильвестру журналы с картинками, на которых громилы зверского вида демонстрировали свои мускулы. Он же дал ему в руки гантели. И пухленький юноша с печальными глазами начал работать над собой. Мышцы его замечательно росли, добавляя сценическому образу негодяя достаточный шарм. Он начал выходить на сцену по пояс обнаженным, натертым темным маслом, чтобы все девочки видели, какой он красивый. Впрочем, Сильвестр сам трепетал от своей красоты и силы.

Все было бы замечательно, если бы школа не закончилась. Сильвестр, не желая учиться, поступил в полное распоряжение Гарри. Днем он работал на бензоколонке или ездил вместе с Гарри на осмотр мексиканцев. А вечером он ехал в Сакраменто на развлечения. А если развлечений не было, читал комиксы. Он отметал детские комиксы про пиратов и Бумера, но зачитывался приключениями Индианы Джонса или историями про войну. Мышцы его играли. Челюсть гордо выпирала. Воображаемое оружие грело руки.

Поэтому, когда началась война во Вьетнаме, он не сразу воспользовался связями матери. Он не сразу, далеко не сразу решил рвануть в Швейцарию и пересидеть там смуту. А когда решил, было поздно – повестка поймала его на месте, как тысячи других небогатых мальчиков с тысяч других бензоколонок.

Впрочем, неустрашимый Сильвестр и не огорчился. Он уже готов был сыграть роль неустрашимого рейнджера, спасителя человечества.

Генри Мюррей – человек умный и расчетливый, всю жизнь работал не покладая рук. Но он не был авантюристом или жуликом, а следовательно, не мог рассчитывать на успех в бизнесе или на бирже. Родился Генри в 1905 году в семье рабочих из Детройта, и с первых вздохов начал впитывать в себя промышленную мощь Америки в виде удушливого заводского дыма и выхлопных газов. Отец его всю жизнь гнул спину, сначала в небольшой слесарной мастерской, а затем на заводе Генри Форда. Он работал и работал, без отдыха и просвета, возя напильником по заготовкам. Как квалифицированный рабочий, он не попал на конвейер, его миновали штрафы и увольнения. Даже в годы Великой депрессии он не потерял своего места и продолжал стоять у верстака. Он словно прирос к своему месту.

Но его и не повышали. На него не обращали внимания, как на предмет мебели. Шли годы, а верстак, станок, рабочее место и заработная плата оставались прежними. Жалованье было стабильным, но скудным, и они жили в убогой квартире в трехэтажном доме.

Наблюдая за «карьерой» отца, Генри изучал жизнь и делал выводы. Он родился мальчиком смышленным и наблюдательным. Вся семья его вросла в жизнь завода. Он знал каждого, от последнего уборщика до директора. И видя, как живет заводоуправление и офис, он поклялся себе, что не пойдет на конвейер, а проникнет туда, внутрь, к власти. Провести жизнь так, как отец, за верстаком, не улыбалось. Хотелось чего-то большего. А для этого нужно образование. А образование стоит денег. Генри стиснул зубы и рванулся на штурм успеха.

Талантливый мальчик Генри выучился и превратился в талантливого, подающего надежды инженера. Не будем говорить о том, чего ему это стоило. Скажем только, что в двадцать пять лет он имел гастрит и искривление позвоночника, а позволить себе жениться смог

лишь к тридцати годам. Избрав профессию инженера-дорожника, он колесил по всей стране, работая на каждом месте год-два, а затем снимаясь на новое место. Он зарабатывал и копил, зарабатывал и копил, изредка прикупал акции, изредка продавал и пробовал играть на бирже. Временами удачно, временами неудачно.

Когда через год после свадьбы у него родился сын Дональд, он уже имел виды на обустройство его будущего. В банке имелся специальный счет, имелись вложения в государственные бумаги и в нефтяной бизнес. Генри мог дать Дональду хорошее образование и обеспечить карьеру своими деньгами и репутацией. Единственное, чего не мог дать Генри жене Элизабет и сыну, так это спокойного тихого дома. Их семья не обзавелась постоянным пристанищем и кочевала вслед за отцом. Кочевал и Дональд.

А отец все работал и работал. Он копил заработанное, счет его рос, но с работой стало тяжело. Только с началом войны в Европе торговля оживилась, дела на бирже пошли успешнее, а счет стал расти быстрее. Потом Европа развязала нешуточную драку, и по ленд-лизу в нее потянулись военные и гражданские поставки. Оживилась торговля, и когда немцы пустили ко дну Атлантики целый караван с техникой, а русские перемололи их войска под Сталинградом, дела Мюррея-старшего пошли вовсе хорошо. Он благополучно сдал не очень старого отца в благотворительный дом, прикупил акций и вздохнул спокойнее. Наконец американцы победили во Второй мировой, и Генри Мюррей стал совсем благополучным. Оставались еще какие-то дела в Японии, но президент применил новейшее ядерное оружие и сжег эти нелепые острова. Генри нашел их на карте, прочитал в газете хронику военных действий и горячо одобрил такое решение. Жизнь американских солдат – превыше всего.

Маленький Дональд сначала жил в вагончике-трейлере, который папа таскал на буксире за своим «Крайслером». Первая школа, в которую пошел маленький Дональд, была муниципальной. Маленькой и облупленной. Да еще в ней учились цветные. Мюррею-старшему это категорически не нравилось, но поделаться он пока еще ничего не мог. Поэтому ровно через год мальчика, так и не научившегося читать, погрузили в трейлер и повезли через всю страну на восточное побережье. Там они продали трейлер и наконец-то поселились в настоящем доме на фундаменте.

А с войны весь этот год возвращались молодые мужчины. Рабочие места заполнялись. Экономика, вскормленная войной, расцветала, но вокруг толкались локтями сильные конкуренты. У них не было такого образования, как у Мюррея, и они не имели опыта, который прервала война. Но у них были сила и жажда жизни. Поэтому Мюррей переехал еще раз, собрал финансы и поместил сына в хорошую частную школу. Придя на выходные с работы, отец занимался его воспитанием.

– Послушай, Дональд, – еженедельно говорил он сыну, – в этой жизни можно прорваться на самый верх. Но для этого нужно образование. Так что учись.

Наставив таким образом ребенка и выделив Элизабет деньги, Мюррей-старший снова на неделю исчезал на объекте. Он работал, счет его рос, и он вполне обеспечивал и себе, и семье существование выше среднего. И все же, помня расцвет сороковых годов, он молил Господа о новой войне, которая вновь подстегнет начинающую угасать экономику. Он даже вступил в ряды республиканской партии, надеясь как-то поучаствовать в военных заказах. По совету знакомцев, с которыми он встречался на партийных вечерах, он удачно вложил свои сбережения в нефть и стал подумывать о партийной карьере.

Но партийного функционера из него не вышло. Зато он сумел на паях с одним компаньоном создать небольшое торгово-промышленное предприятие, и когда началась корейская война, получить хороший авиационный заказ. Затем ему подкинули еще один заказ в обмен на взнос в партийную кассу. Затем еще один. Он организовал удачную цепочку, лоббируя интересы «ястребов» и начал расти на государственных военных заказах.

О том, чтобы уделять внимание сыну, уже не шло речи. Его и на жену-то уже почти не тянуло. Дни и ночи он проводил либо в офисе, либо на заводе, либо в партийных кулуарах. А сын тем временем учился все хуже и хуже. Мюррей иногда встречался с ним и разговаривал. Пару раз в год он лично посещал школу и даже обедал с директором. Безрезультатно. Наконец, когда Дональду исполнилось пятнадцать, его родители сумели-таки улучшить свободную минуту и вплотную заняться воспитанием. Они определили мальчика в невероятно дорогой, но считавшийся лучшим на Восточном побережье интернат для мальчиков – «Академию Филлипса» в Массачусетсе. Генри, уже уверенно стоявший на нефти и военных поставках, хотел сделать из сына достойного преемника. Но не сложилось и здесь. Мюррей-младший родительских ожиданий оправдывать не собирался. Он обнаглел, стал груб с учителями и занимался из рук вон плохо.

Не блистал Дональд и спортивными достижениями. Отец периодически звонил ему и настоятельно советовал стать капитаном футбольной команды. Это было почетно. Это давало возможность приобрести вес и связи в школьной элите. Но Дональда не только не делали капитаном, но даже не брали в команду. Тогда, чтобы быть поближе к футболу, Дональд занялся спортом и общественной работой. Он стал чирлидером. Ему дали фирменную майку, пару ярких помпонов на длинных ручках, и он выбегал на поле в перерывах между матчами. За ним следовал десяток девчонок из дружественного колледжа, они прыгали и махали помпонами, а зрители орали во всю глотку: «Филлипс, ого-ого-ого-го!».

На второй год своей общественной деятельности в роли чирлидера Дональд совершил почти что подвиг, сочинив новую речевку: «Филлипс, вперед! Победа нас ждет! Ого-го, ого-го!». Ее поместили в газету и прокричали на ближайшем матче, и Дональд на неделю попал в герои. Даже сам капитан футбольной команды лично подошел к нему и похлопал его по плечу. Но это был единственный выдающийся поступок.

По окончании академии родители настояли на его поступлении в университет. Школьные учителя отговаривали, считая, что с такими успехами в учебе в университете делать нечего. И тогда мать начала то, что потом Дональд называл «домашней строевой подготовкой». Подготовка эта шла как словесно, так и при помощи физических воздействий, которые сильная Элизабет прикладывала к прыщавому юнцу. Непутевый сын, ведомый маминой волей и отцовскими деньгами, поступил в университет.

Кроме яростной любви к науке, мать сумела вбить в сына и французский язык, бывший для нее когда-то вторым родным. Приехав из Канады, она считала, что самую лучшую карьеру сын сможет сделать именно там. За годы общения с матерью язык сын выучил. А вот остальная учеба его не блистала. Студентом он посвятил все время попойкам и хулиганству. Дважды за пьяную драку в баре он попадал в полицейский участок. Однажды он сорвал с дверей магазина рождественский венок, притащил к себе в общежитие и повесил на дверях собственной комнаты.

Дональд не любил зануд и зубрил. Он изо всех сил пытался прибиться к хулиганам, и однажды совершил поистине хулиганский поступок. Выпив вечером, осмелевшие юнцы под покровом темноты втроем прокрались на университетский стадион. Там они почти час трудились, разбирая футбольные ворота, и утащили их в парк. Они договорились молчать, но кто-то не выдержал и проболтался. Мюррея вызвал сам ректор и долго стучал согнутым пальцем ему по лбу. Зато Дональд на целый день стал героем университета, второй раз в жизни.

А еще раз на вечеринке он подошел к одной почтенной пожилой женщине в компании своих друзей-оболтусов и, глядя ей в глаза, спросил:

– Ну, и какво это – заниматься сексом после пятидесяти лет?

И опять ректор сумел замять скандал. При помощи Генри Мюррея. Словом, Дональд был весьма разносторонний юноша, и родители в нем души не чаяли. Именно поэтому отец, уже отточивший свой политический нюх, понял, что Дональд может попасть в плохую историю.

Из Индокитая тянуло порохом, военные заказы шли один за другим. Его сынок, окончивший университет, вполне мог загреметь в армию, чего отцу, имевшему дело с военным ведомством, страшно не хотелось. Поэтому отец тут же после окончания университета направил его в летную школу Национальной гвардии Техаса.

Мюррей-младший в этой школе делал успехи. Он научился водить поршневой учебный самолет и даже пару раз, с инструктором, поднимал в небо реактивную машину. А также он научился петь непристойные песни и посещать публичные дома с выпивкой.

Вот в таком-то относительно недорогом борделе с ним и произошла неприятная история. Вместе с курсантом Джорджем, сынком нефтяного магната и партийного лидера, тоже скрывавшегося от армии, они немного выпили. Затем выпили еще. А затем поучаствовали в драке и утром оказались в полиции.

Папаша Джорджа срочно ринулся к губернатору штата и что-то шепнул ему на ушко. Джорджа отпустили. А вот папаша Дональда правильных слов не нашел, и Дональд вылетел из Национальной гвардии. Еще не успели высохнуть на его щеках слезы от внезапной разлуки с училищем, как Пентагон ласково заключил его в свои объятия. И Мюррей, пройдя ускоренный курс обучения, получил звание младшего лейтенанта ВВС и отправился на гостеприимную землю свободы острова Фукуок.

Глава 5. Знакомство читателя и лейтенанта Кашечкина с полковником Рузаевым

Кого возьмем с собою? – Вот древняя загадка.

Кто будет командиром? Кто дежурником? Куда

Направимся сначала? Чья тихая лошадка

Минует все несчастья без драм и без труда?

Булат Окуджава. «Агнешке Осецкой»

Служба младшего лейтенанта Василия Кашечкина сразу же началась с боевого крещения. Не успел он прибыть на место назначения, познакомиться с командиром батареи, получить место в офицерском общежитии, как последовал приказ собираться. Их зенитно-ракетный дивизион спешно снимали с дежурства, приводили аппаратуру в походное положение и убрали все ракеты в хранилище. Офицерские жены, обливаясь слезами, пекли мужьям пирожки в дорогу. Весь гарнизон находился в каком-то движении, но это движение означало временную остановку всяческой деятельности. Что же случилось? А случилось то, что регулярно врывается в налаженный быт всякой строевой части – учения. Полк, в котором служил Кашечкин, отправляли на стрельбы в Казахстан.

Конечно, зенитно-ракетному комплексу вовсе не обязательно куда-то ехать, чтобы стрелять по учебным целям. Да и целям, в общем-то, безразлично, где по ним стреляют. Не все равно только окружающим комплекс городам и поселкам, на которые начнут сыпаться обломки ракет и беспилотных мишеней. Поэтому весь дивизион готовился к отъезду в степь на полигон, где на сто верст вокруг не было ни души.

Наконец последовал приказ к выступлению. Дивизион свернули поздно вечером, и уже ночью, под покровом темноты, мощные тягачи поволокли агрегаты к ближайшей станции, на которую подогнали специальный эшелон. Оборудование грузилось всю ночь, а под утро в больших товарных вагонах, служивших прикрытием, уже невозможно было опознать военное имущество.

Ехали двое суток, разгружались опять ночью и утром прибыли на полигон. Сразу после разгрузки Кашечкин начал профилактические работы, после которых его вызвали на командный пункт для обсуждения оперативного плана.

Совещание проводил полковник Рузаев, которого Кашечкин видел впервые. Ходили слухи, что он отличался отличным знанием техники и неистощимой выдумкой по части всяческих тактических приемов. И еще рассказывали, что на его счету были первые боевые стрельбы комплекса. Кашечкин с удовольствием послужил бы под началом этого опытного боевого офицера, но вся беда состояла в том, что именно Рузаеву было поручено инспектировать их полк. Следовательно, все знания и вся смекалка Рузаева направлялись на то, чтобы сделать боевую задачу Кашечкина как можно сложнее.

– Товарищи офицеры! – начал свое обращение Рузаев. – Я прекрасно понимаю, что в ваших руках находится совершенно новое оружие. Вы еще не в полной мере овладели его возможностями. Поэтому первая часть учений будет организована стандартно. Мы начнем со стрельб по одиночной мишени. Может быть, это будет высотная или скоростная цель. Но все же ничего сложнее одиночного сверхзвукового истребителя мы сбивать не будем.

Кашечкину стало грустно. Если уж проверяющий считает высотный скоростной истребитель простой целью, то у него явный перегиб учебно-тренировочного рвения. Это какую же цель придумает полковник Рузаев в качестве сложной? У Кашечкина при одной мысли о такой цели противно засосало под ложечкой. А еще он вспомнил, как на каждой политинформации политрук напоминал им об огромном труде, вложенном в ракету. Политрук напоминал о необходимости повышения точности стрельбы и всемерной экономии боезапаса. И в конце каждого политзанятия говорил о недопустимости промахов и неэкономного расходования ракет.

– Стрелять будем много, – продолжал тем временем Рузаев. – Сейчас мне напомнят об экономии боезапаса. Да, конечно, в армии каждый патрон на счету, не говоря уже о ракетах. Так вот, на этих учениях экономить не будем!

Рузаев стукнул кулаком по столу так, что зазвенел графин.

– Эта экономия может дорого обойтись нам во время войны. Мы с вами не в царской России, а в свободном социалистическом отечестве. В качестве исторической справки хочу напомнить о том, что перед Цусимским сражением царская эскадра из экономии ни разу не практиковалась в стрельбе боевыми снарядами. К чему это привело, всем известно. Мы будем действовать иначе!

Рузаев откашлялся и продолжил:

– Мы должны, конечно, изучать теорию, но надо овладеть и всей практикой боевых стрельб. Поэтому в конце учений попробуем отразить налет группы целей под прикрытием интенсивных помех. И в заключение – марш-бросок на запасную позицию.

В воздухе раздался тихий стон. При стрельбе в помехах неизбежны промахи, и командование припомнит им улетевшие «в молоко» ракеты. Да и за снижение процента попаданий никто по головке не погладит. А уж марш-бросок был и вовсе неожиданным сюрпризом. Конечно, по уставу каждый дивизион имел запасную позицию. И каждый дивизион маскировал ее. Но дивизион – это целый поселок, с офицерскими женами, детьми, хозяйством и скарбом. На запасной позиции зеленел огород, на задворках казарм весело хрюкали свиньи. Чтобы усладить взгляд начальства, городок оборудовали асфальтированным плацем, дорожками, белеными казармами. Городок был чист, подтянут и виден с воздуха, как мишень. А уж о том, чтобы поднять на ноги этот табор вместе со свиньями и плацем в установленное время и переселить его на запасные огороды, страшно было и подумать. Здесь, в степи, скарба, детей и живности не было. Но были тяжелые сборы, движение на собственной тяге и развертывание комплекса.

– И сразу после марш-броска... – Рузаев передвинул на карте цветные фишки...

«Обед с награждением лучших», – подумал Кашечкин.

– ... Дополнительные стрельбы с целью проверки качества запасной позиции, – закончил Рузаев свою мысль. – Для желающих дополнить этот план напомню, что именно так и следует действовать по Уставу. А поскольку Устав мы все знаем и любим, я даже не стану сообщать вам время первого налета. Он может случиться и завтра, и послезавтра, а может последовать и через час. Так что организуйте боевое дежурство по всем правилам. Все свободны.

В этот вечер Кашечкин получил свой суп не на тарелке в столовой, а в мятом алюминиевом котелке в кабине управления. И лег спать в этой кабине. А ночью в степи почему-то стоит лютый холод, тем более, что и сам сентябрь был не жарким. Один бок Кашечкина мерз, а другой припекало разогретой аппаратурой. Он натягивал шинель то на плечи, то на ноги, и шепотом ругал этого затейника Рузаева.

Впрочем, мучился бессонницей Кашечкин недолго. Прямо посреди ночи завывла сирена воздушной тревоги, и весь боевой расчет мгновенно занял свои места. Цель была не очень

сложная, сложна сама обстановка. Кашечкин в первый раз стрелял настоящими боевыми ракетами. Подумав о сотне килограммов взрывчатки, насаженных на стартовый ускоритель, он сразу покрылся холодным потом. Почему-то в голову полезло сравнение с первой учебой по гранатному бою в училище. После долгих тренировок на муляжах на полигоне Кашечкину дали в руки настоящую боевую гранату – тяжелый металлический шарик с маленьким торчащим запалом. И от осознания, что он сжимает в ладони смерть, Кашечкин никак не мог разжать руку. Он два раза замахивался, и два раза граната оставалась у него в кулаке. И только с третьего замаха он смог метнуть ее в цель, крикнуть «ура» и пробежать через вонючее желтоватое облачко.

Боясь упустить цель, боясь сделать какое-то неловкое движение, Кашечкин вцепился в штурвальчик. Он аккуратно передал цель операторам и изготовился к стрельбе.

– Вторая установка – пуск!

Услышав приказ комбата, Кашечкин протянул руку к хорошо знакомому пульту и нажал кнопку. И в первый раз звук зуммера и стук секундомера утонул в громе стартового ускорителя. С каким-то восторгом Кашечкин почувствовал, как дрожит кабина, передавая дрожь блиндажа.

Кашечкин следил, как на экране появилась засветка от ракеты, как она полетела к наведенному им на цель перекрестью, и как обе засветки, от цели и от ракеты, встретились и лопнули, рассыпавшись кучей металлических осколков.

– Цель поражена! – отрапортовал Кашечкин.

Но комбат не слышал его. Он уже был поглощен вопросом, успеют ли солдаты перезарядить установку в положенный регламентом срок.

Стрельбы в помехах потребовали значительно большего напряжения от Кашечкина, но он уже не нервничал. Первая в его жизни ракета поразила цель. Вторая тоже. А дальше все его действия ничем не отличались от действий на тренажерах. По едва заметным изменениям скорости, по силе засветки, а иногда и просто внутренним чутьем, Кашечкин выделял истинную цель на фоне ложных, и всегда попадал.

На третий день учений Рузаев вызвал комбата по ВЧ.

– Николай Степанович, это кто там у тебя такой меткий завелся?

– Младший лейтенант Василий Кашечкин! – отрапортовал комбат.

– Давно он офицером наведения?

– Никак нет, товарищ полковник! Только что из училища.

– Ишь ты! – удивился Рузаев. – Хорошо их учат! Значит, так, – продолжил он. – Я лично буду присутствовать на вашей батарее на марш-броске. И мы посмотрим, что у вас там за Кашечкин.

Рузаев дал отбой. Комбат повесил наушники, развернулся и пристально посмотрел на Кашечкина.

– Да, братец, – наконец протянул он, – молодец. Постарался на славу. Хвалю.

– Служу Советскому Союзу!

Кашечкин вскочил и отдал честь.

– Молодец. Возможно, к концу учений нас наградят. А вот пока что – внеплановая проверка.

Как только стемнело, комбат дал команду готовиться к маршу. Рузаев подъехал к их батарее в командирском «газике» с откинутым брезентовым верхом. Он сам, в отличие от других командиров, вел машину.

Комбат подбежал было с докладом, но Рузаев тут же отпустил его, выразительно показав секундомер и блокнот, разложенные на соседнем сиденье.

Сварачивались быстро, даже немного быстрее норматива. Взревели двигатели тягачей, и дивизион начал строиться в колонну.

– Садитесь! – Рузаев подъехал к комбату и распахнул перед ним дверцу. – Теперь и без вас справятся.

– Справятся, – кивнул комбат.

– Ну, тогда покажите мне вашего меткого стрелка.

– Лейтенант Кашечкин! – крикнул комбат. – К полковнику Рузаеву!

Кашечкин быстро подбежал к ним.

– Ну что, младший лейтенант, как служба? – спросил Рузаев с усмешкой.

– Отлично!

– Молодец. Вижу, стрелять и командовать вы научились. А что еще должен уметь офицер?

– Офицер должен быть примером для подчиненных, – отрапортовал Кашечкин.

– Правильно, – кивнул Рузаев. – А скажите мне, лейтенант, что вы будете делать, если водитель одного из тягачей будет убит?

– Вызову запасного!

– И второй убит. Вести машину некому.

Рузаев хитро смотрел на Кашечкина.

– Сам поведу!

– Молодец, – одобрил Рузаев. – Лейтенант Кашечкин, слушайте приказ! Сесть за руль и вести сцепку номер три!

Кашечкин козырнул, развернулся, побежал к кабине тягача и ловко вскарабкался внутрь.

– Вперед!

Рузаев махнул флажком.

Тягач взревел, в нем что-то лязгнуло, он дернулся и затих. Скрежетнул стартер, и тягач еще раз дернулся.

– Стой! – Рузаев махнул флажком. – Вылезай.

Бледный Кашечкин выскочил из кабины и подошел к Рузаеву и комбату.

– Ты что делаешь? Ты что, водить не умеешь?

– Так точно, не умею, – отрапортовал Кашечкин. – В училище не учили.

– А зачем же ты в машину полез?

– Приказ был.

Рузаев и командир батареи переглянулись.

– Как же ты вести собирался?

– Приказ надо исполнять, – бодро ответил Кашечкин, – а способ его исполнения зависит от смекалки. Доехал бы!

– Молодец! Вот молодец! – Рузаев радостно похлопал его по плечу. – Знаете, лейтенант, я бы взял вас с собой в разведку.

– Спасибо, товарищ полковник!

Это было высшее доверие, которое можно оказать офицеру. В разведку берут далеко не всех.

– Тогда еще один приказ, лейтенант! За год научитесь водить машину, и на следующих учениях поведете колонну!

Полковник Рузаев еще не знал, что учений у него уже больше не будет. Что ровно через месяц его вызовут в Москву и поручат подготовку группы вьетнамских военных специалистов новым методам противовоздушной обороны. А весной его, как лучшего военного специалиста, командируют во Вьетнам, которому угрожали Соединенные Штаты, для управления новым вооружением. Но все это будет потом.

Учения закончились. Гроза командиров зенитно-ракетных дивизионов, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы, полковник Георгий Семенович Рузаев сидел в купе скорого поезда Бишкек-Москва, курил и думал о жизни. Поезд стучал колесами на стыках, вагон качался и поскрипывал. Ехавшие вместе с Рузаевым в купе трое колхозных чиновников, выделявшиеся среди пассажиров строгими черными костюмами и остроносими лаковыми туфлями, с утра ушли в вагон-ресторан и до сих пор не появлялись. Рузаев ехал один, и это было ему на руку – можно было не выходить в тамбур, а дымить прямо здесь. Он специально закрыл дверь и приоткрыл окно, впустив ветер. Тянуло сыростью и холодом.

Рузаев любил осень. В его родной Казани осень была на редкость красива. Будучи еще мальчишкой, он бежал к Кремлю, залезал на стену и долго-долго смотрел на одетый золотом противоположный берег Казанки. Вдалеке могучим простором текла Волга, и другого ее берега не было видно даже с Кремля. Любил он ходить и на площадь, где в двадцати шагах друг от друга стояли так и не закрытые советской властью православная церковь и мусульманская мечеть. Он прибежал рано утром и видел, как площадь торопливо перебежал одетый в странный длинный халат мулла. Перед входом в мечеть мулла благочестиво оглаживал бородку и кланялся своему храму. Затем мулла поворачивался к церкви и так же кланялся ей. Потом мулла исчезал внутри мечети, и через несколько минут с минарета раздавалось его заунывное «Алла акбар!»

Под славословия Аллаха через площадь важно проходил поп. У него была огромная, венником, борода, а на толстом пузе горел крест. Поп крестился и кланялся иконе над входом в церковь, затем брал свой огромный медно сияющий крест, крестил минарет и раскланивался с муллой. Мулла завершал свои призывы, а на православной колокольне начинал звонить колокол. Так они и жили, в мире и согласии.

Так же мирно в воскресное утро шли сюда и двое жителей из дома Рузаева. До площади они шли вместе и лузгали семечки из одного кулька, а затем расходились. Старушка в черном платке шла в церковь, а старый бритый татарин – в свою мечеть. Бывало, мальчишкой Жора дразнил их обоих за темноту и неграмотность. Они качали в ответ головами и научили его двум фразам: «Отче наш, иже еси на небеси...» и «Нет бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк его». Жора в насмешку весело выкрикивал их им в лицо, а они, сидя на лавочке, важно кивали головами.

Вспомнил эти фразы Жора только в мае сорок второго, когда командир их батареи пытался хоть как-то прикрыть переправу на косе Чушка...

Этой переправе предшествовали многие важные события в жизни Рузаева. В мае 1940 года он окончил школу. Может показаться странным, но мальчишка-сорванец получил серебряную медаль и право поступать в институт, сдав лишь два вступительных экзамена. Интересовавшийся техникой Рузаев поехал в Москву поступать в Энергетический институт на радиофак. Его приняли и дали комнату в общежитии с окнами на немецкое кладбище.

Его школьные годы прошли в бурную эпоху – время сталинских пятилеток, время грандиозных строек. Это были ДнепрогЭС и Магнитка, Волховстрой и стахановское движение на Донбассе. Газеты пестрели фотографиями передовиков, со всех плакатов смотрели сильные юноши, призывавшие развивать армию, авиацию и войска химической защиты. Значок Ворошиловского стрелка был как орден, и когда Рузаев в десятом классе сумел получить его, вся школа бегала любоваться новым снайпером. Вся страна следила за экспедицией Папанина. И каждый юноша-комсомолец стремился стать полезным своей Родине. Стремился к этому и Жора Рузаев, мечтавший стать инженером и принести максимальную пользу государству.

Учиться в институте ему довелось ровно год. Отлично окончив первый курс, Жора собирался ехать домой к матери и отцу на каникулы. Но грянула война. Рузаев, не дожидаясь призыва, сам пошел в военкомат, прекрасно понимая, что теперь его долгом является не учеба, а защита Родины. Его сразу отправили в Мытищи, в батальон связи, а затем зачислили в штат фронтовой радиостанции зенитно-артиллерийского полка. Через месяц полк погрузили в эшелоны и отправили в Крым. К тому времени Крым был уже практически полностью захвачен немцами, и только героический Севастополь держался из последних сил. Остатков пехотных дивизий уже не хватало, чтобы удержать город. В бой шли моряки Черноморского флота. По наступавшим танкам прямой наводкой били корабли эскадры. Не в силах сломить героев-моряков, немцы в обход Севастополя рванулись на Кавказ. Для отвлечения их сил и поддержки Севастополя советское командование бросило десант на Керчь и Феодосию.

В состав этого десанта и попал бывший студент, вчерашний школьник Георгий Рузаев. Зенитный полк прикрывал переправу со стороны Керчи, а Рузаев обслуживал смонтированную на машине радиостанцию.

Стоял декабрь 1942 года. Со стороны моря дул ледяной, промозглый ветер. Шел постоянный дождь со снегом, превращавший землю в непролазную грязь. Не было ничего. Не было палаток, и пришлось копать землянки, на полу которых постоянно хлюпала холодная вода. Не было никакого топлива, не было огня и возможности обсушиться. Постоянно бомбили, и полк физически не мог отражать все атаки. Не хватало еды, не было даже воды, ее для чая черпали из луж и потом страшно мучились животами.

И все время шел липкий снег. Ночью обслуживали вечно отсыревавшую аппаратуру, а днем батареи едва успевали отражать воздушные атаки. Самолеты шли волнами на расположения, бомбили и войска, и зенитчиков. Иногда самолеты сбивали. Иногда штурмовая авиация громила батареи.

Так, под дождем и снегом, просидели в землянках четыре месяца. Рузаев похудел. Ноги от сырости опухли и покрылись язвочками, которые пропали только на теплом апрельском солнышке. И настоящим счастьем показалась баня с веником, когда в первых числах мая полк отбыл на отдых.

Тот, кто не сидел месяцами в сырой и холодной землянке, тот не знает, какое это счастье – баня. Рузаев это счастье познал. Он подставлял свое тело березовому венику, выданному старшиной, мылился вонючим коричневым мылом и наслаждался. А потом он переделся во все чистое, вышел на берег моря и сел на камень...

Счастье продолжалось неделю. Восьмого мая немцы прорвали фронт, и танковые колонны пошли на Керчь. Связь частей была потеряна. Началась паника. Войска, почти неуправляемые, кинулись к переправе на косе Чушка.

Картина была жуткая. Все шли плотными колоннами, спрятаться было некуда, а немцы бомбили и бомбили. Берег был усеян разбитыми автомашинами, повозками, вещами. На солнце разлагались сотни трупов, между ними бродили потерявшиеся кони и обезумевшие люди.

Все рвались к переправе, немецкая авиация волнами заходила и заходила, бомбила и бомбила. Не было ни моста, ни лодок. Раненые люди плыли через пролив на бревнах, досках и автомобильных камерах.

Кто-то пытался организовать сопротивление. Командиры действовали энергично, но разрозненно. Две оставшиеся батареи полка развернулись без всякого прикрытия, на голом месте, и сразу открыли огонь последними снарядами.

После того, как удачными выстрелами сбили сразу три самолета, немцы обратили свое внимание на батарею, возле которой расположился штаб. Пятнадцать пикирующих бомбардировщиков буквально вбили орудия в землю, правда, потеряв при этом еще две машины. Едва забинтовав просеченную осколками руку, Рузаев всю ночь греб веслом на плоту, сделанном из

кузова грузовика, поддерживаемого пустыми бочками из-под бензина. На плоту стояла чудом уцелевшая радиостанция. Вместе с Рузаевым гребли еще трое солдат и пожилой штабной старшина.

Потом Рузаев лечился. И как только он выписался из госпиталя, его пригласил представитель фронтовой разведки и пояснил, что для подготовки специальной операции формируются разведгруппы, а в них катастрофически не хватает радистов.

Рузаев, конечно, не мог отказаться, и попал в разведку на Сталинградский фронт. Больше месяца провел он в тылу врага. Получив очередное донесение, он разворачивал радиостанцию, отбивал шифровку и начинал играть в пятнашки со смертью в виде специальной зондеркоманды. Немцы пеленговали рацию и ловили Рузаева сначала по всему Поволжью, а потом по белорусским лесам. Поймать не смогли. Старший сержант Рузаев закончил войну в немецком городе Йене.

Демобилизовали его не сразу. Связисты были нужны для организации жизни послевоенной Германии, и Рузаев смог вернуться на Родину лишь в сорок шестом году. За эти военные и послевоенные годы армия прочно вошла в его жизнь, и он, чтобы не расставаться ни с армией, ни со специальностью, поступил в Свердловское командное училище связи.

Именно там, в Свердловске, Рузаев и познакомился с любимой женой Анастасией.

Рузаев с удовольствием откинулся на спинку диванчика и затаился. Милая, добрая Настя! Спасибо тебе за все – за любовь, за двух детей, за то, что ездила с ним по всем местам службы.

Рузаев любил свою жену, простую русскую женщину. В послевоенные годы мужчин было мало. В офицерском клубе на танцы собиралось много девчат. Но Рузаев познакомился со своей любимой вовсе не на танцах, а на подшефном заводе, где она работала в швейном цеху.

Рузаев с нежностью вспоминал свое рыжее, все в мелких веселых веснушках, счастье. Он залез в карман и достал фотографию. Анастасия улыбалась своей беззаботной широкой улыбкой, а к ней прижимались две счастливые девочки.

Сразу после училища Рузаева отправили служить в Белоруссию. Анастасия, только ставшая его женой, попрощалась с родителями и поехала с ним. Медовый месяц они провели уже в военном городке. Утром он тихонечко вставал, стараясь не разбудить молодую жену, но Настя вскакивала и бежала готовить ему завтрак. И когда днем Рузаев тянул свою служебную ляжку, он знал, что дома его ждет доброе любящее рыжее счастье. И вечером, придя в свою комнату, он обнимал ее, душа его переполнялась нежностью. Они садились ужинать. А потом их стало трое.

Однако настал момент, когда командование вспомнило о Рузаеве. Это был год полета первого спутника и год рождения его второй дочери. Рузаева вызвали в штаб округа и рассказали о новейшем оружии, для использования которого нужны связисты. Рузаев знал радиолокацию и работал с ней, и предложение освоить новую технику не вызвало удивления. Именно поэтому в шестидесятом году подполковник Рузаев принял под свое командование первый в Союзе зенитно-ракетный дивизион.

Любимая его жена Анастасия и две любимые дочери вернулись на родину, в Свердловск. Рузаев был счастлив таким поворотом судьбы. Он любил их, и не было у него на свете ничего дороже семьи и социалистического Отечества. Их он защищал, и готов был защищать до последней капли крови.

Вагон качало. В воздухе пахло порохом. Американские империалисты вновь тянули свои лапы через океан. Рузаев последний раз посмотрел на фотографию и убрал ее понадежнее. Они расстанутся ненадолго. Он только обучит вьетнамских товарищей, и сразу же вернется. И

любимая жена в честь его приезда испечет пирог. Они сядут за стол, и он будет рассказывать им, как он их любит. А потом, когда дети лягут спать, они с Настей выключат свет, подойдут к окну и будут долго-долго целоваться, пока не занемеют губы.

Глава 6. Как лейтенант Кашечкин встретился с отцом Светы и что из этого получилось

Не могу на родине томиться

Прочь отсель, туда, в кровавый бой.

Там, быть может, перестанет биться

Это сердце, полное тобой.

Михаил Лермонтов

По окончании учений, когда часть возвратилась в постоянное расположение, Кашечкин уговорил комбата командировать его в Москву на три дня, отвезти рапорт о проведении учений в штаб. Желающих было много, но Кашечкин назвал одну из самых веских причин, а именно показал стопку писем, полученных от Светы. Эти письма Света писала в университете и передавала подруге Людмиле. На Людкин адрес писал и Кашечкин. Комбат внял, оценил ситуацию и одобрил:

– Добро. Командирую. Только там – без глупостей. Девушке голову не морочь, отца ее уважай и сразу доложишь ему. Приедешь с женой – выделю комнату в общежитии. Но смотри у меня! – Комбат выразительно покачал пальцем перед носом лейтенанта.

В Москву поезд пришел рано утром. Кашечкин сразу отправился в канцелярию штаба, посидел в приемной, сдал пакет и получил распоряжение явиться на следующий день ровно в двенадцать ноль-ноль за документами.

Получив разрешение отбыть, Кашечкин радостно побежал к матери, которая по случаю приезда сына отпросилась с работы и теперь стряпала, варила, жарила и пекла, не зная, чем порадовать сыночка. К ее радости приобщилась соседка, которая сделала пробу со всего, что готовилось. Вскоре ожидали прибытия отчима с запасом водки, и праздник по всем признакам ожидался удачным.

Отчим явился даже раньше, с двумя бутылками водки. Втроем сели за стол в комнате, и Василий начал рассказывать о службе. Говоря о командировке, он не стал скрывать способа, которым уговорил комбата.

– Вот видишь, какая девушка хорошая! – обрадовалась мать. – И домой съездить помогла, и то, и се... Жениться тебе надо!

– Да я не против, – развел руками Кашечкин, – вот только отец у нее сердитый.

– Отец – это святое! – подал голос уже изрядно набравшийся отчим. – Отца слушаться надо!

– Я с ним еще и не разговаривал.

– А сама-то она как, сказалась отцу? – встревожилась мать.

– Я ее еще и не спрашивал. Я даже не спрашивал, пойдет ли она за меня замуж. Но она меня любит!

– Нельзя под венец без отцовского благословения! – опять подсказал отчим.

– Нельзя. А то давай, честь честью, мы с отцом, – мать кивнула на отчима, – съездим к ним, просватаем...

– Да бросьте вы, мама, эти старорежимные штучки! – не выдержал Кашечкин. – Все о свадьбе говорите, а мы с ней всего неделю и виделись, да меньше чем полгода переписывались! Нам получше друг друга узнать надо.

– До революции, – отчим наставительно поднял заскорузлый указательный палец, – все решали родители. А молодые друг друга до свадьбы и не видели.

– Папа, – спокойно отвечал Кашечкин, – ведь не при царе живем. При социализме живем!

– Да, – кивнул отчим, – при социализме.

Неожиданно в дверь постучали, и в проем просунулась голова дяди Сережи, который, видимо, уже принял с устатку.

– Там это, телефон! – произнес он после некоторой паузы.

– Кого, меня к телефону? – мать привстала.

– Нет, его! – сосед сделал неопределенное движение головой и с грохотом захлопнул дверь.

– Иди, отец, поговори. Кто это тебя в такое время?

– А, небось с завода. Случилось у них там что, выйти в смену попросят. Не пойду! – Он мотнул головой и вышел.

Не было его довольно долго. Мать успела дать сыночку пару пирожков к супчику и пояснить, что вкусно готовить и содержать хозяйство может только хорошая жена. Они с отчимом, мол, добра ему желают, и жаль, что он еще не познакомил их со своей девушкой. Кашечкин молча жевал.

Дверь распахнулась, и на пороге появился отчим, неожиданно протрезвевший.

– Это не меня. Это его хотели. – Он показал на Кашечкина и добавил: – Это ее отец!

– Что? – Кашечкин вскочил.

– Сиди, – вяло махнул отчим и снова сел за стол, – я уже поговорил. Как отец с отцом!

– О чем? – хором спросили мать с сыном.

– О детях! Я сказал, что безобразия не допущу! И готов поговорить с ним с глазу на глаз!

– А он?

– А он сказал, что через десять минут приедет.

– Куда? – охнула мать.

– Сюда! – отчим грохнул кулаком по столу, – на солидный мужской разговор.

– Ахти! – мать всплеснула руками. – У меня и стол не прибран! Живо убирайте грязные тарелки, несите чистую посуду. Хлеб, хлеб нарежьте!

– И выпить! Водки мало, пойду схожу! – отчим начал поползновение к двери.

– Сиди! – одернула его мать. – Сам заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

– А водка? – отчим смиренно уселся на стул.

– У меня есть. Специально заначку спрятала!

– От меня? – удивился отчим.

– А от кого же? Пол-литра беленькой.

Мать схватила тарелки и кинулась на кухню. Отчим, кряхтя, полез в буфет за посудой. Кашечкин взял нож и пошел на кухню, вслед за матерью, резать хлеб.

– Мама, я хочу тебя предупредить, – Кашечкин достал батон. – Ее отец очень строгий человек!

– Породнимся, узнаем!

– Мама, он уже выгнал двух женихов.

– Ты не рассуждай, а носи тарелки!

Мать сунула ему в руки кастрюлю с горячей картошкой, обмотанную полотенцем. Кашечкин, вздохнув, понес ее на стол. И тут раздался звонок в дверь.

– Иди! Это он пришел. – Отчим так и сидел за столом перед горкой чистых тарелок.

Кашечкин дрожащими руками отпер. На пороге стоял высокий сухощавый человек в добротном гражданском черном пальто и полувоенной каракулевой папахе.

– Кашечкин Василий здесь проживает? – ледяным голосом произнес человек и пристально оценил Кашечкина холодными серыми глазами. Не дожидаясь ответа, он шагнул через порог, так, что Кашечкину пришлось посторониться, сдвинул головные уборы, лежавшие на полке, и на освободившееся место водрузил свою папаху.

– А вы – полковник Акиншин? – спросил Кашечкин, слегка растерявшись.

– Да. Но в данный момент исполняю не воинский, а отцовский долг. А ты и есть Василий Кашечкин?

– Да, – ответил Василий.

– Очень хорошо. – Полковник повел плечами и скинул пальто прямо ему на руки. – Повесь, будь добр. И где же твои родители?

– Здесь. – Вася показал на дверь комнаты.

Полковник тщательно вытер ботинки о половик, лежавший в коридоре, и без стука вошел в комнату.

– Здравствуйте. Вы отец Василия?

– Почти! – отчим встал и расплылся в улыбке. – Только я не отец, я отчим. Романов Иван, с вашего позволения! Прошу к столу!

– Полковник Геннадий Акиншин. – Полковник протянул отчиму руку.

– Очень рад, очень рад знакомству. Пехотный старшина Романов! А вы какого рода войск, товарищ полковник?

– Военная разведка. Ну, и как мы будем жить?

– Во! – отчим развел руками, показывая на стол. – Водка есть. Вот огурчики соленые, вот картошечка, вот селедочка. А вот и водочка, если хотите.

В комнату вошли Василий с матерью.

– Ну, наливай, старшина! – кивнул полковник. – И знакомь с хозяйкой и с сыном.

Отчим торопливо назвал мать и Василия по именам, разлил водку по четырем рюмкам и тут же выпил. Полковник тоже выпил, с хрустом закусил огурцом.

– Во, вишь, как все здорово! – первым нарушил молчание отчим, обращаясь к Кашечкину. – А ты боялся. Да у нее мировой отец.

Полковник все молчал и глядел на отчима своими серо-стальными глазами. Под этим взглядом отчим как-то притих.

– Я уже говорил со Светланой. Она сказала, что вы познакомились в июне, встречались несколько раз. А потом вы переписывались, – наконец заговорил полковник. – Но почему-то переписывались не напрямую, а через подругу. Почему?

– Ишь ты, непорядок! – отчим по-тихому налил еще водочки, выпил и икнул.

– Мы думали, что вам будет неприятна наша переписка, – ответил Кашечкин.

– Правильно думали. Но напрасно вы сочли, что я ничего не узнаю. А вот то, что вы делали это тайно, лишь усугубляет содеянное.

– Но переписка – это нормально, – возразил Кашечкин.

– Только не говорите мне, что вы собирались и в этот раз тайно встречаться!

Кашечкин открыл было рот, но тут вмешалась мать.

– Зачем же тайно? Он давно хотел нас со Светланой познакомить. Привел бы ее в гости, мы бы ее честь-честью встретили.

– Ага, и угостили бы, – обрадовался отчим.

– Светлану сюда? Знакомить с вами? – Полковник обвел брезгливым взглядом стол, стены, мебель, полы с облупившейся краской. – Зачем?

– Как зачем? Родители должны знать невесту сына!

– Кого? С каких пор она невеста?

– Как с каких? – отчима снова понесло. – Гуляли вместе? Гуляли. Целовались? Ну, сознайся, целовались? Женить, и точка!

– Вот я и хотел задать вопрос, – полковник потер подбородок, – как нам быть дальше.

– А как быть? Пусть поженятся, и все, – скромно заметила мать.

Но полковника трудно было сбить с мысли.

– А жить где, как?

– Так он же на службу уезжает! – заметил отчим.

– Да, уезжаю. И комбат обещал, что если я с женой вернусь, он нам комнату в общежитии выделит. Во как! – похвастал Кашечкин. – Жить в общежитии, до города всего час автобусом, и он почти каждый день ходит. Я хорошо устроен!

– А детишки пойдут, так я им помогу! – всплеснула руками мать. – К себе ребеночка возьму, чтобы им с дитем по тайге не мотаться.

Полковник молча слушал, ни единым жестом не выдавая своего отношения.

– Не, мать, здесь тесновато будет. Выпете? – отчим обратился к полковнику, налил и подвинул рюмку. – Вот у них квартира большая. Ведь большая? Ты с ребеночком туда пере-едешь, и я в гости ходить буду, с кумом родным водочки выпить!

Отчим попытался похлопать полковника по плечу, но тот отстранился.

– А не хочешь водочки, так коньячок поставь. Не обижусь! – весело продолжал отчим.

– Вы это серьезно? – прервал полковник. – А со Светланой вы говорили?

– Мы любим друг друга! – подался вперед Кашечкин. – Да, любим!

– Любовь – дело святое. А на что жить вы собираетесь?

– Так у меня зарплата офицера! – удивился Кашечкин.

– Без мебели, без дома, в тайге? – сказал полковник.

– Это суровые офицерские будни, – возразил отчим, – и Красная армия этим сильна.

Полковник кивнул.

– Да и вы им поможете, – добавила мать.

– Нет! – полковник стукнул кулаком по столу. – Так не пойдет. Пожениться я вам разрешу, но не сейчас, а позже. Будем из вашего сына человека делать.

– Да мы уж как могли, – отчим всхлипнул и налил себе еще.

– Ему нужно хорошее место службы получить, – задумчиво протянул полковник, – такое, чтобы много заработать. Машину чтобы купить! И чтобы все уважали!

– Да, – кивнула мать, – но у нас связей нет.

– Значит, так! – твердо сказал полковник. – Со Светланой можешь встречаться только в моем присутствии.

Мать тихонько кивнула.

– О! Молодец отец, блюдет дочку! – радостно поддержал отчим.

– Переписываться разрешаю. Тут уж никуда не денешься. А насчет службы... Я узнаю у себя, похлопочу. Отправить бы его за границу, чтобы на машину накопил!

– Батюшки, – мать всплеснула руками, – спасибо! Посодействуй, родной, если знакомые у тебя есть! Помогите сыночку.

– Да, – отчим важно кивнул, – хорошо это, богато за границей. Помню, были мы в войну в Германии, так там сыто живут.

– Попробую устроить, – кивнул полковник.

– Я же только служить начинаю, – проговорил Кашечкин.

– Ничего, – глаза полковника потеплели, – и я лейтенантом начинал. Попробую устроить перевод. Поедешь, обвыкнешь, устроишься. Вот тогда и Светлана за тебя выйдет и с тобой поедет. Род войск какой?

– Артиллерия. Зенитно-ракетные войска.

– Да, – кивнул полковник, – хороший род войск. Такие требуются. Смогу устроить. Ну, согласен?

– Конечно. – Кашечкин кивнул в ответ.

– Добро. Звонить – через меня, встречаться – только у нас. Я из тебя человека сделаю! Ну, прощайте, люди добрые!

Не дожидаясь ответа, полковник встал и вышел в коридор. Кашечкин бросился следом, провожать.

– Ишь ты, повезло парню! – слезливо протянул отчим, которого основательно развезло. – Как у Христа за пазухой жить будет.

– И не говори, – подтвердила мать.

Хлопнула входная дверь. Кашечкин, бледный, вошел в комнату.

– Ах ты, милый мой! – отчим потянулся к нему, хотел поцеловать, но промахнулся.

– Держись за эту девушку! И отца ее слушайся! – наставительно заметила мать.

– Мама, но мы же с ней еще ни о чем не говорили!

– Отец сказал – дочка слушает. Отец-то какой хороший. Такой хороший! Вы за ним жить будете, как за каменной стеной.

– Ну что ты, мама, – Кашечкин смутился, – мы же...

– Выпить надо за такое дело! Непременно выпить! – отчим с сожалением потряс остатки водки на дне бутылки и налил троим – себе побольше, Кашечкину и матери поменьше.

– Ну, за счастье детей, – мать подняла рюмку. – Наконец-то и нам в жизни повезло.

– Спасибо, мама, – глаза у Кашечкина блестели.

– Ура! – рявкнул отчим и влил остатки водки себе в рот.

Когда Кашечкин вернулся из Москвы с документами штаба и рассказом комбата о своих приключениях в Москве, тот долго смеялся. Отсмеявшись и похлопав Кашечкина по плечу, комбат распорядился выделить ему комнату в общежитии для семейных и еженедельно ездить в гарнизон с целью посещения клуба.

– Тут невесты знаешь какие? Вмиг окрутят, и глазом моргнуть не успеешь. А отцы у них только рады будут девку за офицера отдать. Про штучку свою московскую и думать забудь.

Кашечкин заикнулся было о том, что он все же женится на Светлане. Конечно, после того, как съездит за границу. Умудренный жизнью комбат снова рассмеялся.

– До бога высоко, до небес далеко! Он вам и видеться-то не дал как следует, а уж чтобы в такую сладкую сметану чужого человека устроить – и речи быть не может. У нас за границей, в Германии да Венгрии, сыновья генералов солдатами служат! Во как! А ты губу раскатал. Это он так, для отвода глаз сказанул.

– Неужели так тяжело за границу попасть?

– Тяжело, – кивнул комбат. – Раньше в Корею только лучших, героев войны посылали! И то партком перед этим проходить надо было. А теперь такие знакомства нужны, каких у тебя и быть не может.

– Думаете, товарищ комбат, писать ей не стоит?

– Так, для развлечения, – комбат махнул рукой, – не более.

Кашечкин приуныл, но писал регулярно, потому что в длинные зимние вечера не было лучше занятия, чем письма. Писал он матери, которая все радовалась такому покровителю и удивлялась, что полковник им не звонит. Писал друзьям по училищу. Писал Кашечкин и Светлане, которая с первым же письмом прислала ему хорошую студийную фотокарточку. Переписывались они по ее домашнему адресу, не скрываясь. Светлана писала, что любит его. Она надеялась, что он выйдет в люди и сделает карьеру. И что у нее все хорошо. Кашечкин с удо-

вольствием отвечал, глядя на фотографию, но каждую субботу по наставлению комбата ездил в гарнизон. Посещения клуба приносили свои плоды, и Кашечкин всерьез думал о том, не начать ли ему целоваться с одной хорошенькой продавщицей. Или с ее подругой.

Однако в феврале, перед самым Днем Советской Армии, комбат вызвал Кашечкина к себе. Не на позицию, не в блиндаж, а в святая святых, маленький рабочий кабинет во флигеле. Вызвал официально, через старшину. Кашечкин поправил форму и пошел.

– Ну, младший лейтенант, тебе повезло! – сухо сказал он. – Тесть у тебя, видимо, сильный мужик. Из округа сразу два приказа пришло!

Комбат расправил на столе лист бумаги и зачитал:

– За безупречную службу присвоить младшему лейтенанту Кашечкину досрочно... Ишь ты, за безупречную! Досрочно! Звание лейтенанта. Поздравляю!

Комбат привстал из-за стола и сухо пожал Кашечкину руку.

Изумленный и обрадованный Кашечкин слегка покраснел.

– А мне, между прочим, очередное звание только через три года дали! – Комбат фыркнул и сел на место. – Вот повезло!

Увидев смущение Кашечкина, комбат улыбнулся.

– Да ты не робей! Поймал удачу, так держи ее за хвост! Академию закончишь, генералом станешь!

– Спасибо, товарищ подполковник.

– Но этого мало! – комбат достал второй листок. – Тут тебя еще направляют на дополнительный курс подготовки. Для последующей отправки в Социалистическую Республику Вьетнам. Вот так!

– За границу? – Кашечкин был ошеломлен.

– Ну да, – комбат кивнул. – Хоть и не Европа, а все за граница.

– Николай Степанович, я не специально! – вырвалось у Кашечкина.

– Знаю, – Мальцев кивнул. – Ты на политинформации сводки слушаешь? С международным положением знаком? Там тебе не медом намазано. Там война идет, и вьетнамцы, судя по всему, проигрывают. А ты туда едешь. Понял?

– Понял, товарищ комбат.

– Ничего ты не понял. Не на легкие хлеба тебя посылают. На войну. Помочь дружественному вьетнамскому народу – наш патриотический долг. Надо стараться.

– Буду стараться, – четко ответил Кашечкин.

– Молодец. Надеюсь, не уронишь чести. Иди. Поздравляю с очередным званием и новым назначением!

– Служу Советскому Союзу!

Кашечкин картинно отдал честь, сделал «налево кругом» и четким строевым шагом вышел из кабинета.

Глава 7. Читатель знакомится с полковником Шульцем и первый раз попадает под бомбы американцев

Сабантуй бывает разный

А не знаешь – не толкуй

Вот под первую бомбежкой

Полежишь с охоты в лежку

Жив остался – не горюй:

Это мальй сабантуй!

А. Твардовский

«Василий Теркин»

«Газик» встряхнуло так, что полковник Шульц едва не прикусил кончик языка. Маленький водитель-вьетнамец, который мужественно сражался со слишком большим для него рулем, делал героические попытки объехать кучи рисовой соломы, раскиданной на дороге, и шустрых крестьян с тележками. Рядом с Шульцем в сиденье вцепился полковник Вьетконга Дао Тхи Лан.

Машина дернулась еще раз и резко затормозила. Прямо из-под колес выскочил пожилой крестьянин и разразился потоком мяукающей речи, в ответ на которую водитель разразился таким же музыкальным криком.

К удивлению Шульца, крестьянин не сошел на обочину, чтобы пропустить машину, а кинулся к своей тележке и начал быстро-быстро метать с нее необмолоченный рис прямо под колеса. Еще больше Шульц удивился, когда водитель, увидев это, меланхолично завел заглухший было двигатель, и, переехав кучу риса, двинулся дальше.

– Что это значит? – Шульц кивнул на оставшегося позади крестьянина.

– Это? – Тхи Лан пожал плечами, – это они рис молотят.

Шульц удивленно поднял брови. Он был чистокровным поволжским немцем, чьи родители еще до революции осели в Самарской губернии. Несмотря на некоторое обрусение, в его жилах текла кровь деда, настоящего немецкого крестьянина. Дед учил хозяйствовать на земле и его отца, и его самого. Дед был крут, и нередко вбивал науку об урожае при помощи тяжелого суковатого дрючка. Их село сияло чистотой и аккуратностью, лошади сыты, амбары просушены и тоже вычищены. Если русские крестьяне позволяли себе неаккуратность, то зажиточные немецкие колонисты очень и очень внимательно следили за зерном.

И уж, конечно, в их семье обмолот занимал почетное место. У деда была своя молотилка с локобилем. Осенью, когда снопы убраны, просушены и дозрели, молотилку вывозили на ток, разжигали огонь в паровом котле локобиля, механик Ганс Штраубе брался за рычаг, и паровик, гудя, начинала поглощать снопы. Золотое зерно текло рекой в одну сторону, клочья соломы летели в другую. Все шло по распорядку, своим чередом. Так шел обмолот, и если хоть колосок падал на дорогу, дед хмурил брови и брался за дрючок. А здесь рис валялся на дороге.

– Извините, товарищ Тхи Лан? – Шульц вопросительно изогнул бровь.

– Крестьяне зерна выбивают из растений, – коверкая слова, пояснил Тхи Лан. – Зерна из этих, из ... стеблей.

Газик несся по хорошей асфальтированной дороге, проложенной ещё при французах. На асфальте лежала рисовая солома, а, напротив каждой кучи сидел меланхоличный крестьянин в высокой конусообразной шапке, с тележкой, и ждал, когда проезжающие машины колесами выбьют рис из колосьев. После этого крестьянин собирал солому в тележку, сметал зерно мягким венником с непривычно длинной ручкой, и, довольный, уезжал.

– Ну и порядки у вас, – Шульц покачал головой. Газик снова подпрыгнул, зубы у Шульца лягнули, и он в очередной раз оказался на коленях у полковника Тхи Лана.

Военный советник Генрих Шульц, помощник военного атташе Советского Союза в Демократической Республике Вьетнам, прибыл из Москвы всего месяц назад в связи с резким обострением международной обстановки, и направлялся на инспекцию пехотной бригады, охраняющей базу торпедных катеров в Вине.

В послевоенные годы каждый советский человек мечтал побывать в чудесном мире за границы. Во время войны солдаты прошли пол-Европы и принесли оттуда много рассказов о зажиточных странах. С наступлением «оттепели» оттуда стало просачиваться много слухов о райской жизни, о пяти сортах колбасы и о двадцати сортах пива в магазинах. То, что в парижских магазинах сейчас продают и больше сортов колбасы, Генрих знал точно. А вот о двадцати сортах пива узнал только здесь, увидев продовольственные остатки французской армии. Впрочем здесь, в ДРВ, пиво тоже было редкостью, предназначенной для дорогих гостей. Сами вьетнамцы пиво не пили и колбасу не ели. И вообще ели очень мало, потому что страна голодала. Страна голодала долго и так сильно, что даже взрослые вьетнамцы не вырастали выше плеча европейца и весили раза в два меньше советских представителей.

Шульц знал, что вечное недоедание было основной проблемой вьетнамских ВВС – летчики не выдерживали перегрузок на реактивных истребителях. Первых вьетнамских летчиков, прибывавших на учебу в СССР, приходилось полгода откармливать, и лишь потом сажать за штурвал. Пока что истребительная авиация Вьетнама была частично укомплектована советскими летчиками, узбеками и таджиками, а также русскими ветеранами Кореи.

Да, голод в Юго-Восточной Азии, разоренной колонизаторами совместно с местными князьками, был чудовищный. Что такое голод и война, сам Шульц знал не понаслышке.

Из своего родного села в голодные годы после революции его отец не уехал. Кстати, с созданием колхозов и введением паспортов, Генрих Шульц вообще не мог никуда уехать. Он женился на русской девушке, совершенно обрусел и стал обычным советским колхозником, таким же, как и все другие. И точно так же, как и все другие, родил трех сыновей, один из которых умер от голода, а двое других благополучно выросли и в положенный срок пошли служить в рабоче-крестьянскую Красную Армию.

Оба сына стараниями деда получили неплохое образование, поэтому старшему Герману удалось попасть служить в элиту армии того времени – в артиллерию. Шел 1938 год, в армии начались сталинские чистки. «Вычищали» высший командный состав, «вычищали» офицеров, прошедших старую школу. Кадров не хватало, и на место расстрелянной и посаженной в лагеря старой гвардии выдвигались новые, неопытные командиры с безупречным рабоче-крестьянским происхождением. Хотя биография Шульца была слегка подпорчена происхождением деда, но образование и знание немецкого языка сделала свое дело. Шульц попал сперва на курсы красных командиров, а затем, пройдя через сито службы безопасности, в армейскую разведку. Июнь 1941 года Шульц встретил красным командиром с одной шпалой в петлице и готовился к переходу из артиллерии в специальную разведгруппу.

В июле-августе немецко-фашистские войска громили Киев и Харьков. Помощник командира батареи поволжский немец Шульц отправился воевать с западногерманскими немцами. Но попал он на фронт не сразу. Сотрудники народного комиссариата внутренних дел мгновенно сориентировались в его происхождении, и в октябре месяце немец Шульц отправился бить немцев в качестве командира роты штрафного батальона.

Что значит быть офицером в штрафном батальоне, защищающем Москву зимой 1941? Это, наверное, отдельная повесть. Но только в 1945 году амнистированный лейтенант Шульц по спецзаданию командования становится военным комендантом маленького городка Цвиргхау в Восточной Германии, да так и остается там ещё на два года.

А затем лейтенант Шульц возвращается на Родину, в город Куйбышев. Он больше не ездит за границу, но колесит по Союзу, выполняя ответственные задания руководства. И за пятнадцать лет безупречной службы дослуживается только до подполковника.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС, Леонид Ильич Брежнев, только что сменивший Хрущёва на этом посту, не мог не заметить такого неурядка. Ветерана войны, прошедшего через множество фронтов, занимавшегося обучением контингента для Китая и Кореи, следовало поощрить. Кроме того, старые хрущевские кадры были уж очень неудобны на некоторых местах. Шульца следовало послать куда подальше, желательно за границу. В это время и потянуло в очередной раз порохом из многострадального Вьетнама. Вьетнам, конечно, не был столь важным объектом в политике, как государства Европы или Америки. Он не был близким другом, союзником, как европейские социалистические государства. Отправлять во Вьетнам было приятно и почетно, и вовсе не опасно для интересов Советского Союза. Туда не рвались дети высокопоставленных родителей. Так Шульц и оказался во Вьетнаме.

Прибыв на место назначения, Шульц немного пожил в советском посольстве в Хошимине, ознакомился с положением вещей и сошелся с руководителями Вьетнама. Старый боевой офицер, он сразу понял ситуацию и вместе с представителями вьетнамской освободительной армии отправился в инспекционную поездку. Пока что результаты поездки его не обнадеживали.

Американский флот стоял на подступе к территориальным водам Северного Вьетнама. Южный Вьетнам, науськиваемый американцами, пока что терпел поражение за поражением, но Вьетконговские войска северян были плохо вооружены и плохо организованы. И если оружие и боеприпасы уже начали непрерывным потоком идти по тропе Хо Ши Мина из дружественного Китая, то об организации войск хорошего слова сказать было нельзя. Привыкшие к партизанской войне с французами и к гражданской войне внутри страны, войска Вьетконга представляли собой нечто среднее между регулярной пехотой и армией батики Махно. Не имея ни танков, ни нормальной авиации и артиллерии, Вьетконг, казалось, рухнет при первом же ударе мощной армии. Так же думали и американцы, считая, что одного их десанта будет достаточно, чтобы выбить социалистическую дурь из этой страны.

Шульц осознавал серьезность положения и работал, как только мог. Он уже написал и переслал по диппочте доклад об отсутствии современного вооружения и доказывал, что если удар пехоты и бронетехники Вьетнам еще может отразить, то налеты авиации с кораблей тихоокеанского флота США могут сыграть роковую роль. И еще он писал о необходимости прислать дополнительную партию советских военных специалистов.

Шульц посмотрел на часы. Они уже приближались к месту назначения. Машина прыгала по кочкам под густым зеленым пологом. В джунглях, несмотря на яркое тропическое солнце, царил вечный сумрак. Казалось, деревья-гиганты верхнего яруса вот-вот кинутся на людей, чтобы поглотить отвоеванную человеком полосу земли.

Шульц хлопнул водителя по плечу, давая знак остановиться. Под внимательным взглядом полковника Тхи Лана он развернул карту, рассмотрел ее, ориентируясь на местности, и вылез из машины. Дао Тхи Лан, не говоря ни слова, последовал за ним. За неделю совместной работы он проникся таким уважением к опыту Шульца, что безоговорочно слушался его во многих вопросах, особенно тех, которые касались боевой подготовки.

Шульц махнул водителю, велел оставаться на месте, и свернул с дороги прямо в лес. Жесткие ветки преградили путь, в рубашку вцепилась колючая лиана. Этот лес совсем не походил на родные российские леса, но все же, для Шульца он стал уже привычным.

Тхи Лан скользнул за ним в заросли.

– Туда? – он вопросительно кивнул головой, показывая на север.

– Да, – Шульц определил, что бригада стояла именно там.

Не задавая вопросов, привыкший не удивляться Тхи Лан быстро пошел в указанном направлении. Шульц тоже молчал. Он давно привык, что подчиненные вопросов задавать не должны. И хотя Тхи Лан был старше его, если не по званию, так по возрасту, отношения между ними установились как между более опытным наставником и учеником. Шульц не хотел подъезжать в расположение части в открытую на машине. Он хотел проверить караулы и бдительность часовых, а за одно и всю дисциплину.

– Дао, – окликнул он полковника, – вы, на всякий случай, пароли знаете?

– Что? – Тхи Лан удивленно обернулся

– Пароли. Ну, пропуск?

– Зачем? – Тхи Лан явно не понимал, – командир меня знает.

– А часовые? А охрана? Наши иногда без предупреждения стреляют.

– Какие наши? – Тхи Лан опять не понимал.

– Согласно Уставу караульной службы, часовые должны сначала окликнуть. Но во время войны мои солдаты сначала стреляли, а потом спрашивали. Война, что поделаешь!

– Да. Война, – согласился Тхи Лан, – и мы стреляем.

– Будьте аккуратны, чтобы нас не подстрелили.

– А, это, – Тхи Лан спокойно махнул рукой, – нет, не подстрелить никого.

Они широким шагом и, не особо скрываясь, вышли на небольшую прогалину. На прогалине стояло бунгало, крытое соломой. Напротив строения сидело несколько солдат. Их автоматы были без всякого порядка свалены под деревом. Солдаты весело разговаривали, сидя вокруг котелка, висевшего над костерком. Один из солдат что-то помешивал, и всякий раз, помешав, одобрительно хмыкал. Неожиданно у земляного бугра под тем же деревом приподнялась верхушка, и оттуда вылез еще один вьетнамец. Он был без автомата, зато на поясе висела кобура, казавшаяся слишком большой на его узкой талии. Вьетнамец тоже заглянул в котелок и одобрительно хмыкнул.

Шульц внимательно огляделся. За бунгало снова начинались джунгли. Там не было ни одного часового. Все еще не веря в подобную безалаберность, Шульц повернулся к Тхи Лану и прижал палец к губам, приказывая соблюдать тишину. Сам же он, пригибаясь, двинулся в сторону бунгало, ожидая оклика часового. Но часовых не было. Шульц подполз к бамбуковой стене и осторожно приподнялся. Окно открыто. Шульц подтянулся на руках и змеей скользнул внутрь.

Комната была пуста. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые папками с бумагами. Придерживая стопку папок, Шульц аккуратно вытащил одну и раскрыл. Там лежали листы, исписанные по-вьетнамски. Шульц потянул еще одну папку. На этот раз ему повезло больше – в ней находились карты и планы местности. Развернув одну из карт, он остановился в недоумении. Перед ним лежал совершенно секретный план размещения воинских частей в окрестностях Виня. Этот документ по самой своей сути не мог лежать в неохраняемом шкафу. Взяв папку, Шульц осторожно подошел к двери, потянул ее на себя, ожидая увидеть часового хотя бы в

соседней комнате. Но и там было пусто. Лишь снаружи доносились голоса и веселый смех солдат.

Уже не прячась, открыто топая сапогами по плотному земляному полу, Шульц подошел к наружной двери и мощным пинком ноги распахнул ее настежь. Снаружи раздался вскрик, удар полковника сшиб кого-то с крыльца. Остальные солдаты мгновенно кинулись к оружию. Разъяренный Шульц шагнул наружу и во всю силу своего командного голоса заорал единственное слово, которое знал по-вьетнамски: «Нгием²!». Солдаты-партизаны мгновенно замерли на месте, кто с автоматами в руках, кто еще стоя возле котелка.

– Нгием! – раздалась команда с другой стороны. Полковник Тхи Лан вышел из-за угла. – Тяо как донг ти³!

Солдаты неловко, вразнобой, но уже с глубоким энтузиазмом вытянули руки по швам. При этом часть успела взять автоматы на ремень, часть приставила к ноге. Один солдат вообще оказался спиной к полковнику и замер, глядя на того в пол-оборота.

– Командира ко мне! – распорядился Тхи Лан.

Но в этой команде уже не было никакой нужды. Земля во многих местах зашевелилась, и прямо из нее, из каких-то нор, полезли узкоглазые солдаты в форме Вьетконга. Шульцу показалось, что в считанные секунды безлюдный лес превратился в кипящий муравейник.

– Безобразие, – холодно произнес Шульц, посмотрев, как командир батальона рапортует полковнику. – Форменное безобразие. Где ваши караулы?

² Смирно! (вьетн.)

³ Смирно! Здравствуйте, товарищи! (вьетн.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.